

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЕДИНСТВЕННАЯ МОЯ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Единственная моя

«ЭКСМО»

2010

Романова Г. В.

Единственная моя / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2010 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-42218-0

Жанна была уверена, что она единственная и неповторимая для бильярдиста Саши Степанова. Пока не выяснилось: его настоящая фамилия – Сырников, он бизнесмен, имеет жену и детей. Вернее, имел, пока его не застрелил профессиональный киллер. Причем Жанна видела преступника. Правда, лица не рассмотрела, но ни исполнитель, ни заказчик об этом не знают. И наверняка начнут на нее охоту. Милиция тоже не дремлет. Живо заподозрили в заказном убийстве. Это ее-то, простую девушку! Еще бы! Не прекрасную же вдову бизнесмена терзать подозрениями и допросами... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-42218-0

© Романова Г. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Единственная моя

Глава 1

Почему-то с самого утра было грустно. И непонятно совсем – почему? Сварила кофе, села с ним к столу, начала ворошить память, листая, как страницы, прошедшие дни недели. Да нет, вроде все в порядке. Не было ничего такого, что бы тревожным импульсом подергивало: а вспомни, вспомни, тут я...

Ничего не произошло за минувшие семь дней. А что-то теребило и теребило. Ну, просто накатывало так, что хотелось расплакаться. А причины не было. Чего тогда плакать – без причины? Саня сразу забеспокоится, станет приставать с расспросами. А что она на них ответит? Что ничего, все в порядке, что ей просто так поплакать захотелось? Он ни за что не поверит. Станет присматриваться к ней, а потом и присматривать за ней. А этого как раз и не хотелось.

– Снежик, миленький. – Саша, с которым они вместе были вот уже три года, вошел на кухню, помахал в воздухе газетой. – Ты посмотри, что пишут, а!

– Что там? – проявила она тактичность, хотя никогда не читала газет, тем более такого содержания. Но не любопытствуй она сейчас, он надуется, сразу спросит, неужели ей все равно, что его так обеспокоило. Придется отрицать изо всех сил. А их, сил, осталось совсем немного, ровно столько, чтобы сдержаться и не расплакаться.

И чего на нее нашло сегодня?!

– Помнишь, я тебя просил, чтобы ты вечерами не задерживалась? – начал строгим голосом Саша.

– Помню, – кивнула она послушно.

– Помнишь, почему я тебя об этом просил?

И он подозрительно прищурил глаз, один в один, как ее преподаватель в институте по электромеханике, когда она безбожно валила экзамен.

– Что-то такое у нас в районе в последнее время происходило или происходит, – начала Снежанна медленно.

Но она ничего не помнила. Саша ее постоянно о чем-нибудь предупреждал, предостерегал, все чего-то опасался, старался предотвратить. И из всего этого за совместных три года в ее памяти образовалась неудобоваримая мешанина. И пытаться сейчас зачерпнуть оттуда маленькую ложечку, чтобы скормить ее бдительному Саше, было занятием бесполезным.

– А что происходило у нас в последнее время в районе, милая? – Саша снисходительно ухмыльнулся, поняв, что она ни слова не слышала из того, о чем он ей рассказывал.

– Что-то страшное наверняка. Иначе ты не стал бы меня предупреждать, – схитрила Снежанна, решив обосноваться в нейтральных водах.

– Конечно, не стал бы, – отозвался Саша ворчливо, заглянул в турку. – Кофе не сварила на меня?

– Сейчас сварю. – Снежанна быстро поднялась из-за стола, с сожалением оставив остывать кофе в своей чашке, оглянулась от плиты. – Так о чем пишет твоя любимая газета?

По тому, как он сердито засопел, она поняла, что снова сказала что-то не то. А, ну да, все правильно. Она сказала «твоя любимая газета», сделав ударение на слове «твоя». Тем самым она что? Правильно, открестилась от его интересов. А он ведь так никогда, никогда не делает. Не делал раньше, не делает теперь и делать так не будет. Почему же она-то все время?..

Слава богу, сегодня Саша не стал занудствовать, а, молча пережевывая досаду на свою девочку, принялся увлеченно рассказывать. И когда он начал рассказывать, Снежанна все вспомнила.

Правильно, они обсуждали уже это. Но поначалу все это были лишь слухи, которые Саша черпал непонятно где. Теперь вот уже к слухам и пресса присоединилась. Хотя то издание, которое любил цитировать Саша, только слухами – по ее мнению – и питалось.

– Они пишут, что это мелкое хулиганство! – возмущенно трепал он газетный разворот, тыча пальцем в середину. – Какое же это хулиганство?! Разве можно быть такими... Такими...

Он не нашел нужного приличного слова и выругался.

Снежанна поморщилась.

Саша редко при ней ругался, старался не оскорблять ее слух неприличными словами. Но когда в пылу словарный запас его скудел, это когда он долго и безостановочно принимался о чем-то рассуждать, то ему приходилось призывать на помощь и ненормативную лексику.

– Извини! – поспешно пробормотал он, поблагодарил за кофе, принимая из ее рук чашку, отхлебнул и снова принялся возмущаться: – Но разве можно называть хулиганством нападение на десятерых женщин – и это все в одном районе?!

– А как это нужно называть? – послушно отозвалась Снежанна, глотнула остывший кофе, поморщилась.

– Это уже конкретный маньяк!!! – выпалил Саша и с чувством смахнул газету на пол.

– Ну уж ты скажешь, – улыбнулась она. – Никого не убили, не изнасиловали, отобрали вроде телефоны и все...

– Не убили?! Не изнасиловали?! – перепуганно отшатнулся он. – А нужно, чтобы было так?! Снежик, ты меня поражаешь!!!

– Не нужно. Просто не надо сгущать краски. Женщины ничего толком не рассказывали. Не видели нападавшего. С головы их волос не упал. Какой маньяк, Саша?! Наверняка какой-нибудь бездомный пацан, который нашел рынок сбыта этих самых телефонов и теперь сшибает деньги, чтобы с голоду не подохнуть в подворотне!

Она вдруг закусила удила. Такое иногда случалось. И сладу тогда с ней не было. Могла из непонятного упрямства начать кричать, стучать кулаком по столу, топтать ногами, рыдать. Саша затихал тогда и отступал куда-то в тень. Точно, точно в тень, потому что она его присутствие рядом с собой только угадывала. Потом начинал засыпать ее цветами и подарками, скулил, что он идиот и засранец. Что с такой красавицей, юной, умной, необыкновенной, нельзя так. А как именно можно, он пока не знает. Но он станет учиться – неотесанная грубая деревенщина, прибывшая в город откуда-то из сибирской глухомани.

И эта его покорность, граничащая с угодничеством, жутко ее совестила. Снежанна тоже начинала просить прощения, признавалась, что сама не знает, отчего так иногда себя ведет. А она и правда не знала.

– Да... Заелась ты, девочка, – увещевала ее коллега по работе и приятельница Катя Земцова. – Тебе бы моего старшенького! Вот кому попробуй стукни кулаком по столу!

Старшеньким она называла своего первого бывшего мужа, который колотил Катерину по поводу и без. И нос ей ломал, и ребра, а однажды едва не выбросил из окна третьего этажа. Спасибо, свекровь его остановила.

– А то ножками она топтать вздумала! И из-за чего?! Из-за того, что расхождения у вас по вопросам социального неравенства вышли?! Ох, Жанка, дуришь ты, честное слово! Слушай... – Эту фразу, прочно засевшую Снежанне в голову, Катя впервые произнесла полгода назад и с тех пор неоднократно ее повторяла. – А может, ты просто не любишь его, а?

– Я?! – возмущенно округлила она глаза. – Я не люблю Сашку?!

– Да! Ты не любишь Сашку! – передразнила ее Катя Земцова. – Потому и дуришь, а иначе бы...

– Да как ты можешь такое говорить? – обиделась она тогда на приятельницу. – Я Саше всем, что имею, обязана! Если бы не он... Я не знаю, что со мной стало бы!

– Э-э-эх! – Катерина помотала головой в белоснежном колпаке, надвинутом на красиво оформленные стилистом брови. – Чувство благодарности и любовь – это не одно и то же. Ты сколько с ним вместе?

– Три года.

– Вот! А он тебя уже раздражает.

– Он меня не раздражает! – крикнула звенящим от обиды голосом Снежанна. – Просто... Просто...

– Просто он тебя раздражает. Это именно так называется, дорогая моя. Вот попомни меня, дальше будет только хуже...

Прошло полгода.

Снежанна, хорошо помнившая слова Кати, контролировала себя изо всех сил, чтобы не срываться, не закатывать беспричинные истерики, и вообще старалась вести себя как внимательная, заботливая, любящая женщина. И это у нее вполне получалось. И даже особенно стараться не приходилось, все как-то само собой выходило. Это сегодня что-то накатило на нее. Сначала что-то тяготило, она все вспоминала, вспоминала... Тут Сашка со своей дурацкой газетой и не менее дурацкими версиями.

Нет, ну что, в самом деле, сгущать краски? Отобрали десять телефонов в их районе у подзагулявших девиц, и что? Это новость, что ли? В их микрорайоне, между прочим, пятнадцать тысяч человек проживает. Десять подвыпивших дур, решивших попытать судьбу и пойти домой темными переулками, это не так уж и много. В целом по городу и не такое случается за сутки. И это за сутки, а тут за несколько месяцев.

Серию они углядели...

Нет, серию углядел лишь ее Сашка, кажется. И углядел ее с одной только целью – посадить ее под замок. Он не раз заводил разговор о том, чтобы она бросила работу. Она под разными причинами отказывалась. А теперь вот, пожалуйста, у него какой козырь на руках. Маньяк в их микрорайоне объявился. Теперь всем женщинам следует прятаться по домам и носа из дома без сопровождения не высовывать.

Это же... Это же форменный арест получается!

– Неужели для того, чтобы ты начала немного оглядываться и предпринимать хоть что-то для собственной безопасности, нужно непременно случиться чему-то плохому?! – удрученно воскликнул Саша, нагнулся, поднял газету и, отводя взгляд, поплелся с кухни.

– Саша! – крикнула она так, что его узкие плечи нервно вздрогнули. – Не уходи, есть разговор!

О чем она хотела с ним поговорить именно сейчас, Снежанна не представляла. Она просто закусила удила, что называется. И еще не собиралась допустить его очередного трусливого бегства в дальний угол, из которого ей потом придется, не дай бог, извлекать его с собственными извинениями.

– Что случилось? – Он быстро вернулся, сел, как школьник, за стол, уставился круглыми, как у совенка, темными глазами. – Ты чего так кричишь? Что-то случилось?

– Нет. – Она моргнула удивленно.

А действительно, чего это она так разошлась? Контролировала себя, контролировала и тут вдруг сорвалась. Может, Катерина права? Может, все это – и гнев ее беспричинный, и раздражение – объяснимо и предсказуемо, потому что...

– Просто... Не уходи, и все, – пожала она плечами, натягивая рукава домашней кофты повыше на плечи и кутая шею в воротник. – Чего ты сразу сбегаешь? Каждый раз ты бежишь, как только на горизонте начинает маячить опасность.

– Какая опасность?! – перепугался он снова.

– Ну не так выразилась. Просто каждый раз, как я начинаю высказывать свою точку зрения, ты удираешь, как трусливый заяц. Так нельзя! Нельзя так, Саша! – Она протянула руку к его голове и поразились тому, с какой живостью он отпрянул, потом опомнился и подставил макушку ее пальцам. – Господи, Саша, это уже комплекс!

– Согласен, – закивал он, поймал ее пальцы и начал целовать, негромко приговаривая: – Согласен, сбегать все время, может, и нельзя, а как, по-твоему, можно? Ругаться мне с тобой, что ли? Ты же женщина. Слабая, милая, незащищенная женщина. Моя женщина! Которую я очень люблю, которой дорожу. И которой... Позволяю иногда капризничать. Ну, у тебя такая блажь. У меня игра. Ты же с этим миришься. Почему я должен роптать, когда тебе хочется потопать ножками?

И так все логично, так все правильно он объяснил. И ей бы радоваться. А она снова устыдилась. И это опять подействовало раздражающе.

– Ладно... – Она высвободилась из его рук, которые схватили в кольцо ее коленки. – Все хорошо, милый. Все хорошо. Не будем больше об этом. Мне пора.

– Как пора? – Он изумленно вскинулся. – Сегодня же воскресенье!

– Я помню.

Она кивнула и пошла с кухни, на ходу стягивая с себя домашнюю кофту.

– Ну! И почему тебе непременно надо уезжать куда-то из дома? – Он пошел за ней, подхватывая оброненную ею кофту, подбирая разбросанные тапочки. – Там такая погода... Давай останемся дома, Снежик!

– Я поеду на кладбище, Саша. Сегодня годовщина маминой и папиной свадьбы, – придумала она с лету.

– Постой, но ты же говорила, что свадьба у них была летом?

– Ну да, это загс был летом, а зимой в горах устроили помолвку, где они всем лагерем ее и отмечали.

– Ну а зачем на кладбище-то? – снова не понял он. – Они же в горах погибли и...

– Я поеду к тетке, – упрямо повторила она и закрыла перед его носом дверь в гардеробную...

К тетке она не попала, потому что попала в жуткую пробку. Поначалу даже и не сообразила, невероятно медленно пробираясь на машине от светофора к светофору, что плотность машин на проезжей части сильно сгустилась и надо бы вильнуть в какой-нибудь переулок, чтобы не быть стиснутой со всех сторон.

Но не сообразила, зато позлилась вдосталь. Досталось всем. Начала с Сашки, перекинулась потом на Катю с ее идиотским даром ясновидения. Молчала бы и молчала, если додумалась до чего-то. Нет же, медом ее не корми, дай донести до страждущего. Донесла! И теперь что? Теперь маета непонятная нет-нет да закрадется в душу и ответов требует.

Потом пришла очередь телефонного воришки, в действиях которого ее гражданский муж Александр углядел серию.

Тому-то что не сидится ночами дома? Дома нет? Денег? Так не разбогатеешь на краже десяти телефонов, как ни старайся. Кроме головной боли и тюремного срока, ничего не светит.

Он вот ночами на женщин в темных подворотнях нападает – делать ему больше нечего, – а она с Сашей из-за него повздорила. Может, и не совсем так, но осадок остался. Одна надежда была на то, что на могиле тетки немного забудется. Всякий раз, усаживаясь на крохотную мраморную скамеечку возле памятника, Снежанна терялась, не зная, с чего начать. А потом слово за слово начинала говорить с теткой. А иногда и спорить.

Катя Земцова – ее коллега по работе и немного подруга – сколько раз брала под сомнение советы, которые Снежанна будто бы услышала от тетки. И даже пальцем у виска покручивала и советовала протестироваться у психоаналитика. Но Снежанна лишь усмехалась в ответ.

То, что она слышала теткин голос, доказать было, конечно, же невозможно. Но ведь и опровергнуть тоже.

– Все! Встали! – заорал кто-то сбоку от ее машины так громко, что она вздрогнула и завертела головой в разные стороны.

Вот это да! Как же это она проморгала? Надо было сразу на светофоре убегать налево, где спасительный перекресток, выручающий ее всегда из любых пробок. Там четыре двора, а оттуда – сквозные проезды на параллельный проспект, где движение почти без заторов.

Светофор проехала, до следующего далековато, а там, где она сейчас стоит, слева – две сплошные, справа – длинный ряд магазинов без парковочных площадок и служебных проездов.

Она опустила стекло, дождалась, когда водитель соседнего автомобиля повернет голову в ее сторону, и вопросительно мотнула головой.

– Что там впереди? Почему стоим? – повторила она вслух, когда он опустил пассажирское стекло.

– Что-то прорвало прямо под магистралью. Снег чистят, – флегматично отозвался толстый дядька в засаленной дубленке и вязаной шапке петушком. – Два эвакуатора перед этим туда прошли. Наверное, станут машины припаркованные сейчас вывозить. Это долго...

Это было бесконечно долго!

Три часа!!! Три часа в пробке – это уж слишком!!!

Она успела дважды сбежать в магазинный кафетерий и выпить горячего шоколада. Потом захотелось в туалет, и пришлось снова бежать в тот же магазин. Затем просто надоело сидеть в машине на одном месте без движения, и она опять полезла наружу.

А снаружи было холодно. Ледяной ветер бессовестно лез под короткую меховую курточку, леденя лопатки и поясницу. Сводил коленки в тонких джинсах, морозил щеки. Снова приходилось лезть внутрь машины, греть ее. А бензина осталось совсем немного. Хорошо еще, что бак был полон, когда стартовала от дома, а то пришлось бы к спекулянтам обращаться за помощью.

Они ведь тут как тут! Вот люди с предпринимательской жилкой, а! Уродятся же. Что тут скажешь! Ничего!

Стоило узнать, что в центре города километровая пробка образовалась из-за аварии на теплотрассе, нерадивых коммунальных служб и нерадивых горожан, бросающих свои машины как и где попало, так они тут же забежали суетливо от машины к машине, предлагая ГСМ в канистрах за бешеные деньги.

До заправки было и не так далеко, но как бросить машину, если ты в ней один, а вдруг поедут все? Кто по двое, по трое, те, конечно, вышли из положения. А кто, как вот Снежанна, один в машине, что тогда?

Дядька впереди на огромном черном джипе с блатными номерами из трех троек тоже был в машине один. Рассмотреть Снежанне не удалось из-за тонированных стекол. Но наверняка он был один, раз мужик в спецовке и с канистрой полез к нему в машину на переднее пассажирское сиденье.

Договаривались они недолго, видимо, так ни до чего и не договорились, раз тот с канистрой не двинул к баку, а поплелся, сутулясь, прочь. И стоило его спине с яркой надписью «главдорремстроя» или чего-то типа того исчезнуть из вида, как машины нервно дернулись и медленно поползли вперед.

Джип с тремя тройками на госномере продолжал настырно стоять на месте.

– Вот сволочь, а! – разозлилась Снежанна, надавив десятый раз на клаксон. – Думает ехать или нет?! Или торчать тут понравилось?

Наверное, у дядьки в самом деле закончился бензин, но он пожалел денег спекулянту и теперь сидит и ждет, когда ему продадут подешевле или оттащат потом на эвакуаторе, решила она, нагло втискиваясь между зеленой «Хондой» и черной «Приорой», объезжая джип. Ну и

пускай себе стоит, раз такой жадный. Она домой поедет. Устала, замерзла, перенервничала. Да и зла безмерно на Сашку.

Нет, нет, совсем не из-за утренней перебранки по поводу статьи в его газете, а потому что не позвонил ей ни разу, пока она в пробке стояла. Она, конечно, тоже ему не звонила. Но он-то дома, чего о нем беспокоиться? А она уехала к тетке на кладбище, между прочим. И обычно более полутора часов у нее это не занимало. А ее не было три часа, но он ни разу не позвонил!

Не поедет она домой, решила Снежанна и свернула на улицу, где жила ее коллега по работе и немного подруга – Катя Земцова. Сейчас она остановится возле булочной, где продавались изумительные бублики в лимонной глазури. Купит дюжину. И еще коробочку шоколадных конфет, которые так любила младшая дочка Кати – Аленушка. Поднимется к ней на восьмой этаж и...

– А мамы нет дома, – сообщил писклявый голосок в домофоне.

Это Катин старший – Стас – оставался теперь за хозяина.

– А где она?

Снежанна все еще надеялась скоротать время у подруги, надеялась, что та выскочила в магазин, расположенный в их доме на первом этаже, за молоком или за солью: она ее вечно забывала покупать. Но писклявый голосок Стаса сообщил, что мама только что уехала со своей подругой в баню и будет поздно вечером.

– А вы что же с Аленкой, одни? – изумилась Снежанна.

– Нет, мы с папой. Он телевизор смотрит, – сообщил словоохотливый Стас.

К папе она не пойдет. Неразговорчивый Игорь, отец Аленки, всякий раз просиживал с ними за одним столом, будто повинность страшную отбывал. Кивал и маловразумительно мычал, когда к нему обращались с вопросом. И при первом удобном случае старался улизнуть на любимый диван.

Пришлось ехать домой.

Снежанна заранее насупила бровки, капризно надула губки, чтобы Саша не сильно радовался ее возвращению. Она ему еще предъявит за то, что он не позвонил ей ни разу.

А Саши дома и не оказалось. Огромная квартира, доставшаяся Снежанне от тетки в наследство и отремонтированная потом за бешеные деньги – Сашины деньги, – пустовала.

– Саш, ты где? – изумленно рассматривала Снежанна его тапки под вешалкой, будто видела впервые. – У тебя же сегодня не игровой день!

Играл Саша по вторникам, четвергам, редко по пятницам. Он уезжал в какой-то загородный клуб, Снежанна не интересовалась никогда, где тот располагается. Там Саша профессионально, на большие деньги резался с такими же профессионалами в бильярд. Возвращался обычно под утро, почти всегда с выигрышем, на него, собственно, они и жили.

Были ли там женщины? Неизвестно. Снежанну это не волновало, и ревновать при отсутствии интереса считала глупым занятием. Досадно было, конечно, что не пришлось покапризничать. Что не удалось его упрекнуть за то, что не звонил ей те долгие три часа, что она проторчала в пробке, но, по большому счету, она даже обрадовалась, что его нет дома.

У нее будет время принять горячую ванну, почитать, похрустеть орешками, а он ее за это гонял, считая, что она портит зубы. Потом он вернется и...

Саша не вернулся ни к ночи, ни под утро, ни к полудню следующего дня. Телефон его оказался вне зоны действия, потом и вовсе барышня оповестила, что он заблокирован. Интересно, почему? Если Саша не звонил с телефона, не тратил, стало быть, деньги со счета, с чего это вдруг номер оказался заблокированным?

Выкроив из короткого обеденного перерыва десять минут, она специально заехала с работы домой. Нет, его дома не было. И он сто процентов там не появлялся.

– Может, что-то случилось, Кать? – печально вздохнула Снежанна, ни с чем возвращаясь на работу.

– Что может случиться с твоим Сашей? Шар если только бильярдный в лоб ему попал. – И обрадованная удачной шуткой, Катя звонко рассмеялась. – Не переживай, подруга! Явится, не сегодня, так завтра явится.

– Почему это завтра-то? Обычно игра у него так долго не...

– Обычно, обычно! Как ты привыкла к расписанию своему! А иногда его просто перестраивают.

– Кого? – вытаращилась на нее Снежанна.

– Не кого, а что! – поправила ее Катя и похлопала себя по щекам. – Нет, ну ты глянь, какая у меня после бани кожа, Жанка! Бархат просто, а не кожа... А знаешь, чем я ее так?... Ладно, проехали. Расписание, говорю, наше иногда перестраивают, с нами не спросившись.

– Кто?!

– Кто-кто! А я знаю? Кому захочется, тот в нашу жизнь и лезет, и ломает там все, и устраивает по-своему. Тут уж не до привычного уклада, не до расписания с традициями и обычаями. Здесь уж приходится подстраиваться...

– Под кого?!

Если честно, то Снежанна вообще ничего из Каткиной болтовни не понимала. В бане та, что ли, перегрелась, раз несла такую чушь? Либо философствовать пыталась, наобщавшись вчера со своей школьной подругой, работающей над диссертацией по какой-то сложной теме.

– Под кого?! Под того, кто в нашу жизнь влез, кто изменить ее пытается, под того мы и подстраиваемся. – Катка пошла в соседнюю комнату за чайником и прокричала оттуда: – Что, разве с твоим Сашкой все было не так, да?

– А что было с Сашкой? – потрусила за ней следом Снежанна, путаясь в замысловатых речах Кати еще сильнее.

– Жила ты жила, все у тебя было хорошо и ровно. И тут вдруг он! Как ведь он тогда подвернулся... – Катя положила чайные пакетики в две чашки, влила кипяток. – А он тебя спросил, когда влезал в твою судьбу? Спросил, а нужен ли он тебе?

– Не спрашивал, – замотала Снежанна головой.

– Вот и я о том же! – Катка задрала кверху указательный палец. – Он влез, все поменял в твоей вполне благополучной жизни. Навязал тебе свои принципы и привычки, а ведь ты жила без него вполне счастливо. И ладно, ты его любила бы, тут уж никуда не денешься. А то ведь...

– Катя! Ну что ты снова?! – обиделась за исчезнувшего внезапно Сашку Снежанна. – Я ему очень благодарна.

– За что? – иронично хмыкнула та.

– Он меня спас!

– МЧС нашелся какой! Спас он ее! Ну, упала ты в снег, подвернула ногу, он тебя поднял. Не он бы, так кто-нибудь другой. Белый день был, центр города, как мне помнится, не замерзла бы... Кстати! – Тут глаза у Катки сделались подозрительными до противного, не иначе гадость какую-нибудь теперь сказать собирается. – Чего это именно он тебя поднял? Никогда не задавалась таким вопросом?

– Потому что я упала! – воскликнула Снежанна, сразу поняв, куда клонит ее коллега по работе и немного подруга, она не раз пыталась ей в этом направлении мозги прочистить.

– Ой, а то никто больше не падает у нас в городе! – Катка скривила рот. – И всех прямо хватают на руки, несут в травмопункт, оттуда домой, а потом месяц цветами заваливают.

– Он говорил, что влюбился с первого взгляда. Я что, уродина, по-твоему? Не достойна того, чтобы...

– Красавиц много. Но часто без жилья, милая. – Катка вздохнула и громко отхлебнула из чашки. – В квартиру он в твою громадную и прописку влюбился. А потом, может, уже и в тебя. Вот скажи, а тебе ни разу не приходило в голову, что твой Сашка запросто может иметь

семью на стороне? Или любовницу? Или вообще у него семеро по лавкам там, в Сибири, откуда он явился? Да и из Сибири ли он вообще?..

Глава 2

Бойцов сполз по спинке стула, далеко вперед вытянув длинные ноги, уставился в запыленное окно – уборщица третью неделю отсутствовала по причине декретного отпуска, а замены ей пока не нашли – и задал себе совсем неожиданный и не им придуманный вопрос: а зачем ему эта работа? Нет, немного не так. Зачем ему такая работа?!

Кажется, этот вопрос ему то и дело задавала Шурочка, пока они были вместе. При этом она тарасила на него изумительной голубизны глазенки, ерошила ежик коротко стриженных смоляных волос и восклицала со слезой в голосе:

– Димочка, зачем тебе такая работа?!

– Какая? – отзывался он, потому что жалел ее, глупую, и за слезы ее, и за одиночество, в котором она вынуждена была пребывать из-за него.

– Такая! – Пухлый ротик Шурочки полз вбок, слезки набегали на глаза, проливались, и она принималась растирать их по щекам, всхлипывая. – Ты все время на работе! Тебя почти никогда не бывает дома! То дежурство, то усиление, то план-перехват, то еще что-нибудь придумают. И все это за что?!

– За что? – снова послушно отзывался Бойцов, пытаясь поймать ее слезинку на кончик пальца и рассмотреть на свет.

При всей убогости его жизни, он не лишен был определенного романтизма. И даже порой мечтал о чем-то возвышенном и прекрасном, хотя и виделось оно ему в весьма расплывчатых, неопределенных формах.

– За нищенскую зарплату! За постоянные нагоняи! За ор начальника! За матерщину! – принималась перечислять Шурочка, поочередно загибая изящные пальчики. – За отсутствие выходных, отпусков, за отсутствие личной жизни!!!

– Ты моя личная жизнь, – журчал тогда Бойцов, надеясь в этом месте очень удачно примириться с девушкой своей мечты. Но та настырно вырывалась, сердилась пуще прежнего и снова восклицала:

– Зачем тебе такая работа, Димочка?! Это же... Это же работа для дураков!!!

– Почему? – скучнел Бойцов, мгновенно растрчивая весь свой романтический пыл и понимая, что вечер испорчен.

– Потому что ни один здравомыслящий человек не поставит крест на своей личной жизни из-за нищенской компенсации!!!

– А как же чувство долга? – вдруг вспомнилось Бойцову что-то из прежних времен, славящихся нерушимыми идеалами. – Чувство долга перед Родиной, перед людьми? Мы же в ответе за тех...

– Кого приручили, хочешь сказать? – перебивала его Шурочка с насмешкой. – Это не вы, а вас приручают!

– Как это?!

– Взятками, милый! Взятками, корпоративным кумовством вас уже всех так приручили, что если вы и стоите на страже, то именно тех интересов, которые хорошо оплачиваются. Это... – Шурочка брезгливо кривилась в этом месте. – Это противно! Это гадко! И этого никогда не было раньше!

– Раньше – это когда?

Бойцов если и оскорбился за себя и тех своих коллег по оружию, которые не брали взятки и которых приручить было невозможно, то не подал виду.

Шурочка разойдется еще больше, и тогда пропал вечер. А много ли у него таких вот свободных вечеров в году?! По пальцам на руках можно пересчитать. Сегодня как раз выпадал безымянный на левой руке. И на вечер этот у Бойцова было много планов. Он хотел...

Он просто хотел провести его тихо, мирно, без шума и разборок. Он и пива прихватил в магазине, которое Шурочка любила. И рыбки. Все почистил, охладил как надо. Накрыв стол, позволил ей потрепаться с подругой почти час по телефону, хотя, по его мнению, у нее на это много других вечеров было, свободных от него. Но стерпел, ничего. Посидели, попили пива, заедая его вкусной маслянистой рыбкой. Потом все убрали, вымыли, перебрались в спальню, и тут началось.

И чего это Шурочку всегда разбирало именно в спальне?

Бойцов нервно шевельнул длинными ногами, упершимися в пыльный плинтус, по новой переплел пальцы, скрещенные на животе. Снова начал вспоминать.

Да, Шурочку там прямо разбирало. Едва только Бойцов до тела ее пытался добраться, как она начинала рыться в глобальных проблемах каких-то, перетряхивать идеалы, чтобы возродить утраченные.

И тогда вот, в самый последний их вечер, она снова начала вспоминать замечательное прошлое, в котором, оказывается, жили припеваючи ее дед и отец, оба из военных. И все замечательно у них было, и все честно. И никаких взяток тогда не было, об этом просто даже не слышал никто. И квартира в Москве ее отцу просто за боевые заслуги досталась, а не потому, что он на министерской дочке женился. И ее потом в престижный вуз устроили из-за ума ее великого, а не потому, что декан любил с ее отцом охотиться.

Никогда Бойцов – видит бог – не умалял достоинств Шурочки, никогда. Но тут не выдержал и надерзил бедняжке. И от назначения, которое Шурочка ему все подсовывала как бы исподволь, резко и навсегда отказался.

– Что, так и станешь просиживать штаны за своим обшарпанным столом в богом забытом отделе?! – ахнула, сраженная наповал, его невеста.

Он, между прочим, когда с нейзнакомился, совсем не знал, чья она дочь, внучка и подружка. И влюбился в нее с первого взгляда не за заслуги ее честного отца, деда, тестя отца и всей их многочисленной влиятельной родни, а просто потому, что глаза у Шурочки были необыкновенными, ну и ножки соответственно, и попка.

Это уже потом, когда начали встречаться, а затем жить вместе, он узнал о ее могущественной родне и сбробел немного, если честно. А по первости просто млел и восхищался именно девушкой, а не дочкой, не внучкой и не чьей-то подружкой.

Они расстались.

Быстро, одним вечером, без долгих выяснений, слез и истерик. Она задала ему в последний раз вопрос: согласен ли он на повышение под крыло ее знакомых или родственников, Бойцов так толком и не понял тогда. Он ответил категорическим нет. Шурочка сползла с кровати. Тщательно оделась. Методично двигаясь, уложила свои вещи в три громадные сумки. Позволила ему донести их до ее машины. И все. Никаких больше встреч, звонков, разговоров не было. Она исчезла из его жизни, будто ее никогда там и не было. Как привидение, честное слово! Даже иной раз, вспоминая, думал: а была ли она в его жизни в самом деле или нет?

Ну, нет, была, конечно, была. И чашка осталась после нее из тонкого фарфора. Из глиняных, обычных, со смешным милым орнаментом по боку Шурочка пить чай не могла. Вкус будто бы у чая бывал другой, букет будто бы пропадал. И комплект столовых салфеток остался, которыми Бойцов не знал, когда надо пользоваться.

Ребята, когда к нему захаживали, простыми, бумажными пальцы вытирали. Их потом ни стирать, ни гладить, ни крахмалить не нужно было. Скомкал да в мусорное ведро. Так что Шурочкины салфетки лежали на прежнем месте невостребованными, и всей пользы от них – лишний раз напомнить Бойцову, что Шурочка в его жизни была все же.

Скучал ли он по ней? Вспоминал ли с болью, натываясь на забытые ею вещи?

Честно?

Нет! Не скучал. А если и вспоминал, то без боли, а с грустной нежностью, как о прибывшемся случайном щеночке, которого не сумел приручить и отдал потом в хорошие руки. Он бы все равно с ним не справился. У него бы все равно этот щеночек погиб без внимания и заботы каждодневной. Скребся бы нежными коготками в вечно запертую дверь и тосковал, тосковал, тосковал без него.

Шурочка была очень хорошенькой и очень хорошей. Но так Бойцову с ней было каждодневно обременительно, что порой ноги домой не шли, а все завернуть куда-нибудь норовили. Он ведь уставал, уставал порой смертельно. И места в его мозгах не оставалось на то, чтобы что-то придумывать, изобретать какие-то сюрпризы, привносить в их жизнь какие-то новшества, на то, чтобы удивлять, умилять.

Да, мечтал иногда, просыпаясь, что вот сегодня вечером он то-то и то-то, и непременно, и уж обязательно. Но ежедневная рутина очень настойчиво из него весь его утренний романтический настрой выдавливала. И зачастую, возвращаясь домой поздним вечером, единственное, что хотел Бойцов, это горячей ванны, сытного ужина и мягкой подушки под головой. И не до обсуждений ему было нового театрального сезона. И совсем не хотелось никаких премьер, и слышать не хотелось о выходах какой-то звезды, блистающей весьма сомнительно.

Хотелось покоя, тишины, и очень хотелось спать.

Шурочка ушла. И покой будто в душе относительный воцарился, и спать Бойцов теперь мог без лишних разговорных прелюдий, сколько хотелось, но...

Но вдруг поселилось в нем с потерей Шурочки и обретением всего того, о чем мечталось, странное неудовлетворение собственной жизнью.

– Зачем тебе, Бойцов, такая работа?! – снова задал он себе вопрос, меняя ноги местами и оставляя резиновой подошвой ботинок на пластиковом пыльном плинтусе черный след. – Что тебе в ней?!

Ответа у него не было. Зло в душе было, имелся запас матерных слов после утреннего совещания, но ответа на его, а прежде на Шурочкин, вопрос не находилось!

Он не знал, почему до сих пор не ушел. Почему все еще пытается ловить преступников, которых потом ловкие дорогостоящие адвокаты отмазывают от тюрем? Да что там адвокаты! Порой и до суда дело не доходит, его разваливают, не за спасибо, конечно же. И все об этом знают, и все молчат. И он молчит. Как-то приучили их со временем к сговорчивости, к покорности такой вот, служащей в интересах...

А в чьих интересах-то?!

Сегодня он вот за кого пинков с утра наполучал, например? За убиенного в собственной машине предпринимателя – назовем его так – Сырникова Владимира Анатольевича.

– Убит человек! – надрылся САМ сегодня в своем кабинете, обводя всех присутствующих карающим взглядом. – Убит в центре города, белым днем!..

Далее шло повествование о росте преступности, перешагнувшем в последние месяцы все допустимые пределы. Да, понятно, что начал собираться лихой народец, упрятанный в свое время в тюрьмы за страшные преступления в лихие девяностые. Да, всем понятно, что не встанет этот народец ни к станку, ни метлой не пойдет махать. Их, станков-то, между прочим, почти не осталось. Да и метла нарасхват. Но все равно, нельзя упускать из вида вернувшихся из мест лишения свободы заключенных. Нельзя!

– Убит человек!!! Уважаемый всеми человек!!! – рокотал САМ, покрываясь испариной, видимо, от собственного неосторожного заявления.

Какой, к хренам собачьим, уважаемый всеми?! Это Вован-то Сырников уважаемый всеми человек?!

Да все же знают, что уважаем он стал только после того, как удачно избежал заключения под стражу в тех же девяностых, когда его подельников всех пересажали. И что потом этот

Сырник затих, исчез куда-то, затем всплыл уже с депутатским мандатом. Заделался бизнесменом, меценатом, начал водить дружбу с теми, кто наверху.

За это его зауважали, что ли? За то, что не сел, а научился приспосабливаться?

– Дмитрий Степанович, есть версии? – обратился, оттарабанив вступление, САМ к Бойцову.

– Месть, – пожал тогда плечами Бойцов. – Какие еще могут быть версии!

– А подробнее?! – Левый глаз начальника опасливо прищурился. – Мстить ведь может даже школьник за отобранный у него бутерброд! Я спросил о версиях, подразумевая не столь лаконичный ответ! Ну!!!

– Леня Бублик вернулся пару месяцев назад, – начал говорить Бойцов. – У них с Сырником...

– Так! – перебил его начальник, грохнув кулаком по столу. – Попрошу мне тут без бандитских кличек! У потерпевшего и подозреваемых есть имена?!

– Есть, – кивнул Бойцов.

– Вот и... Так что там Леня Бублик имел к Сырникову? Какие претензии?

– Точно не знаю, но болтают, что Бублик пошумел на днях в кабаке, разбил пару зеркал в холле и все орал, что он ничего не забыл и что за пацанов Сырник... Пардон, Сырников Владимир Анатольевич ответит.

– Было за что отвечать? – САМ хитро посмотрел на Бойцова.

– А как же! – с удовольствием подхватил Бойцов. – Сырников тогда, пятнадцать лет назад, наобещал своим подельникам золотые горы, если те все возьмут на себя. Те уши растопырили, поверили, все на себя взвалили. Его имя не названо было. В приговоре так и зачитывали – не установленное следствием лицо... А лицо это все, что сделало, так это оплатило троим посредственным адвокатам да пару раз передачи передало. А потом все.

– Что все?

– Позабыло о своих обещаниях это не установленное следствием лицо. Обросло неприкосновенностью, титулами, начало менять кресла, дружить с теми, кто эти кресла...

– Так, Бойцов!!! – САМ снова шлепнул ладонью по столу. – Меня ваше мнение не интересует вовсе! И никого оно не интересует особо. А интересуют показатели. И раскрываемость еще. Такое громкое убийство, а у вас еще конь не валялся! А дело это на контроле у самого...

И слегка подрагивающая длань начальства указала куда-то в потолок.

Бойцов ухмыльнулся.

Понятно было, почему на контроле это убийство было на самом верху. Не было секретом, что зять того, кто наверху, с Сырниковым бизнес делил пополам. И не очень-то они ладили между собой.

Можно представить, какой резонанс у общественности теперь может быть после всего, что случилось.

– Так, Леня Бублик должен быть задержан и доставлен сюда. – САМ снова глянул требовательно на Бойцова. – Какие еще версии? Кто еще, кроме бывших... – Он очень долго подбирал подходящее слово и наконец подобрал: – Кроме бывших знакомых, мог желать смерти гражданину Сырникову, по-вашему?

И вот тут Бойцова прорвало. Разозлился он, если честно, на начальника за эти вот осторожные, тщательно подбираемые слова.

Ну нельзя же так, товарищ начальник! Нельзя! Чья бы рука вас ни кормила, о чести мундира, об офицерской чести, о человеческой чести забывать не следует!

– Мстить ему могла жена, которой он изменял направо и налево, – начал бубнить Бойцов с напором. – Мстить Сырникову могла любая из дюжины любовниц, которой он обещал жениться, да так и не выполнил своего обещания. Мстить ему мог партнер по бизнесу. – Бойцов пропустил мимо ушей испуганный клекот руководства и продолжил гнуть дальше: – И

даже не мстить тот ему мог, а просто-напросто устранить, потому что, по моим сведениям, партнер по бизнесу Сырникова давно хотел перекупить у того бизнес, а тот кочевряжился и не соглашался. Дело даже до мордобоя доходило.

– Бабы сплетни! – с насмешкой вставил начальник, начав сердито барабанить пальцами по столу.

– Отнюдь нет! Имеется даже запись с камер видеонаблюдения в загородном клубе, где произошла ссора. Не успели ее изъять до нашего приезда и уничтожить. А потом о ней будто бы позабыли, потому что делу не был дан ход.

– Делу... – ворчливо отозвался САМ. – Да какое дело, Бойцов?! Не было там никакого дела: выпили, пошумели...

– В результате этого шума Сырников был доставлен в больницу с рваной раной на груди, предположительно от вилки. С травмой черепа, болел потом долго, головными болями маялся.

– Да... Теперь мы головной болью будем маяться, – вырвалось невольно у начальника, он потер переносицу, глянул на Бойцова вполне по-человечески и так же запросто спросил: – С чего думаешь начать, Дим?

– Да начал уже, Владислав Иванович, – отозвался Бойцов. – Послал ребят изъять записи с камер видеонаблюдений, там же магазинов много, наверняка наружные камеры имеются. Может, достреливают до того места, где Сырников на своей машине в пробке торчал и был убит?

– А если нет?

– Если нет, станем искать тех, кто с ним в пробке стоял. Может, кто-то что-то видел...

Совещание закончилось будто бы на бодрой милицейской волне, но не успел Бойцов дойти до кабинета, как САМ ему позвонил и обложил его таким отборным матом за умничанье и прочие вольности при посторонних, что тот просто дара речи лишился.

Обиделся!

Уселся поудобнее, вытянув ноги далеко вперед, и сидел так вот уже минут сорок, надеясь найти для себя ответ на единственный вопрос: а зачем ему такая работа...

– Дмитрий Степанович, – позвонил ему дежурный через час, в течение которого Бойцов так ни к чему и не прикоснулся. – Тут доставили одну дамочку.

– Что за дамочка? – отозвался Бойцов с ленцой.

Ему вдруг сделалось все безразлично. И азарта он никакого не чувствовал, и впрыска адреналинового не было. Все способен был погубить начальствующий гнев, работающий на тех, в чью сторону даже рука указать не смела: нервно подрагивала.

– Образцова Жанна Ивановна, – послушно зачитал с паспорта доставленной дежурный.

– И что с ней, с этой Образцовой?

Бойцов все еще надеялся спихнуть эту дамочку на кого-нибудь. Не хотелось ему сегодня ничего делать. Совсем не хотелось. И в первый раз после расставания вспомнилось о Шурочке с тоской.

Может, надо было дураку соглашаться на повышение, а? Сидел бы сейчас на теплом местечке...

Бойцова передернуло.

Нет уж, подкаблучником ни у Шурочек, ни у их дядьев, их пап и дедушек Бойцов никогда не был и не будет! Лучше уж он в частный сыск уйдет, его давно звали. Или машины станет из Владика гонять, тоже приглашали ребята.

– Она вчера в пробке была, ее тачку камера засекла, а дальше нет, – пояснил дежурный. – Вы в роде...

– Давай сюда эту Образцову! – вдруг подобрал резко ноги Бойцов, позабыв мгновенно обо всех обидах на начальство и обо всех незаслуженных обвинениях в свой адрес. – Быстро!!!

Глава 3

Когда к ней на работу после обеденного перерыва ввалились сразу трое милиционеров и спросили у кассы именно ее, у Снежанны подкосились колени и витраж с угловатой змеиной головой, брызгающей ядом в аптекарскую склянку, медленно пополз куда-то вправо.

Все! Все пропало! С Сашкой случилась беда!!!

Это были первые мысли, которые пришли после того, как к ней вернулась способность твердо стоять на ногах и видеть предметы такими, какими они и являлись.

Напрасно Катя Земцова половину дня злословила в его адрес, напрасно обвиняла его в корысти, искала подводные камни в мирном течении их совместной с Сашкой жизни. Все это теперь ничего не значило. Все это лишнее, смешное и дешево стоящее.

Главное то, что его теперь больше в ее жизни не будет. И это очень страшно и больно! И...

– Здравсте, – кивнул молодой сержант Снежанне.

Внимательно оглядел ее с головы, обернутой тугой аптекарской косынкой, хрустевшей от крахмала, до пяток, обутых в короткие аккуратные сапожки на высоких каблуках. Оценил по достоинству, вежливо улыбнулся, прежде чем произнести казенную фразу:

– Вы являетесь гражданкой Образцовой Жанной Ивановной?

– Что?

Слова словно сквозь вату проникали в уши, увязая в ней и делаясь трудно различимыми.

– Образцова Жанна Ивановна – это вы? – терпеливо повторил молодой сержантик.

– Я? А... А что случилось? Что-то с Сашей, да?! Вы говорите, не томите! Я сильная, я... –

И снова угловатая змеиная голова на витраже поползла вправо и даже, кажется, ухмыльнулась ядовито.

– С каким Сашей? – Трое милиционеров переглянулись между собой, и опять сержантик пришел на помощь: – Потерпевшего, насколько мне известно, зовут Сырников Владимир Анатольевич. Слыхали о таком?

– Что? Сырников? Нет, не слыхала. – Чашка с ядом и с нависшей над ней змеиной головой вернулась на место. – А Саша... С ним все в порядке?

– Саша – это кто? – встрял младший лейтенант, уставший наблюдать, как млеет его коллега от милой аптекарши.

– Сашка – это ее гражданский муж, – пояснила Катя, колыхнув в сторону лейтенанта грудью, обтянутой хрустким белоснежным халатом. – Со вчерашнего дня домой не является, она и переживает. А я ей...

– Погодите, погодите, гражданочка, – поморщился лейтенант, не пленившись Каткиными формами, которыми она, к слову, жутко гордилась. – При чем тут ее гражданский муж?! Нас интересует сама гражданка Образцова и ее местопребывание вчера днем с...

Он назвал время. То самое, которое Снежанна провела в пробке.

– Я стояла в то время в пробке, у меня куча свидетелей. Я ни при чем вообще! – растерялась она. – Меня в кафетерии могут узнать, я туда дважды заходила, и еще в туалет и...

– Как раз ваше пребывание в пробке нас и интересует, – обрадовался лейтенант и выдохнул с облегчением: – Собирайтесь, поедете с нами.

– Зачем?! – Теперь уже и Катка переполошилась. – У нас сейчас после пяти столько народу будет. Девочки одни не справятся, и мы им обычно помогаем. И куда это она должна с вами собираться? По какой такой причине?

– По той самой, что гражданка Образцова может быть ценным свидетелем.

– Свидетелем чего, господи?! – Катка с шумом опустила обе ладони на предмет своей необычайной гордости. – В пробке, говорят вам, стояла! Чего она там видеть могла?!

– Разберемся... – пообещал лейтенант и кивком приказал Снежанне собираться.

То, что ей позволили ехать на собственной машине, немного вдохновило. Не запихнули в свою, не надели наручники – уже здорово. Ехали недолго. Дольше топтались возле дежурки. Эти трое передали ее бестолковому дежурному и сами смылись куда-то. А тот все перекладывал бумажки, все звонил куда-то, что-то бесконечно долго выяснял, таращился в ее паспорт. Потом наконец велел ей подниматься на второй этаж и найти кабинет такой-то, где ее ждет Дмитрий Степанович Бойцов.

Снежанна послушно поднялась на второй этаж, нашла кабинет, постучалась, услышала в ответ разрешение, потянула на себя дверь, вошла. Глянула на Бойцова и...

– Здравствуйте, Дмитрий Степанович. Это вы? Я не ошиблась дверью?

Господи, она покраснела! Как институтка, как кисейная барышня начала прошлого века, покраснела до нижних век и потупилась. Стыдоба, да и только!

Ну, симпатичнейшим оказался этот самый Дмитрий Степанович, неприлично просто для сотрудника милиции симпатичнейшим, что с того? Он прежде всего милиционер, по приказу которого ее сюда конвоировали сразу три сотрудника. И лишь один из них проявил к ней снисходительное понимание и говорил вполне дружелюбно. Остальные ничего не объяснили, обещали разобраться и приказали следовать за ними.

Неизвестно еще, какие сюрпризы уготовил ей этот приятный молодой мужчина.

– Жанна Ивановна Образцова, – медленно, с выражением зачитал Бойцов, взяв из ее рук пропуск. – Русская, проживает по месту прописки. Так ведь?

– Так, – кивнула Снежанна, усевшись на предложенный Бойцовым стул.

– Одна живете? С родителями? – полистав ее паспорт и не найдя отметки о семейном положении и детях, спросил Бойцов.

– Я... одна, то есть... – замялась она.

Почему-то не захотелось рассказывать симпатичному следователю о том, что у нее имеется гражданский муж, вместе с которым она прожила три года. Сразу полезла в голову Каткина чепуха о том, что у Саши вполне может быть на стороне другая семья и что именно этим объясняется его отсутствие уже вторые сутки.

Стыдным вдруг показалась Снежанне правда об ее истинном семейном положении.

А что, в самом деле, она знает о своем гражданском муже? Зовут Саша, фамилия Степанов по паспорту. Ума хватило хотя бы на то, чтобы заглянуть однажды в его паспорт. Но вот до странички с семейным положением Снежанна так и недолистала. Сочла неприличным. Катка потом долго смеялась и злословила по этому поводу.

Что еще?

Знает, что он профессионально играет в бильярд. Здесь сомнений у нее не было, поскольку он однажды демонстрировал ей свое умение, выиграв на спор у ее знакомых ужин в ресторане. Ездит дважды в неделю – во вторник и четверг, редко в пятницу – играть куда-то за город. Этим зарабатывает неплохие деньги.

Куда? Он ей не говорил. Она не расспрашивала.

Что еще?

Знает, что глаза у него карие, рост средний, худощавый, темные волосы зачесывает назад и убирает в хвост. Знает, что он ненавидит кашу, причем без разницы какую. Любит мясо в любом виде, блинчики и икру, предпочтительно черную, но и красную тоже ест.

Всем киселям и компотам предпочитает черный кофе.

Занимается ли спортом? А можно считать бильярд спортом? Если да, то да – занимается. Гантелей в доме, во всяком случае, нет. Штанги тоже. Ни лука со стрелами, ни оружия, ни бейсбольной биты. Ни марок, ни карт, ни этикеток, ничего из того, что намекало бы как-то на его хобби.

Ничего, кроме бильярда.

С алкоголем Саша осторожен. В общении с ней – тоже. Как только чувствует ее недовольство, сразу ускользает в тень и дожидается там нужного момента.

Что-то о его друзьях?

А нет друзей. Нет и не было в их общей жизни никогда. Снежанна их не знает, если они и имеются.

Родственники, знакомые?

То же самое – черная дыра. Саша никогда не рассказывал, она никогда не спрашивала.

И могла она при таком туманном положении вещей откровенничать с Бойцовым Дмитрием Степановичем?

Нет, не хотелось. Потому что стыдно. Потому что ничего особо рассказать не могла. И потому рассказать не могла, что не интересовалась никогда, а Саша не настаивал. Стало быть – сама виновата. А раз виновата, то и обнажать своей вины не стоило. Еще неизвестно, для чего она тут.

– Так одна живете или как? – почувствовав ее растерянность, повторил с нажимом Бойцов.

– Одна, – уже твердо ответила она и стянула с головы шапку.

В кабинете было жарко. Или так ей казалось. Щеки по-прежнему горели огнем, по шее и лопаткам струился пот. меховую курточку она тоже расстегнула.

– Стало быть, живете одна, – медленно повторил Бойцов и начал что-то печатать. – Расскажите: как вы провели вчерашний день, Жанна Ивановна?

– Я? – Она снова растерялась.

Что рассказывать-то? Как в пробке стояла или с самого начала дня, с самого утра, когда с Сашей собачилась на собственной кухне? Нет, это решила опустить. Она ведь сказала, что одна живет.

– Поехала к тетке на кладбище, но завязла в пробке и простояла в ней три часа.

– Замечательно, – с удовлетворением констатировал Бойцов и снова зашлепал по клавишам. – Ничего странного не заметили, пока стояли в пробке?

– Странного? Да нет... А что я должна была заметить?

Она звонка ждала от Саши, а он не позвонил. Она злилась и строила планы мести, только и всего. Если это может показаться странным, то...

– Прямо перед вами стояла машина Сырникова Владимира Анатольевича, уважаемого человека и бизнесмена, – скрипнув зубами, процитировал Бойцов своего начальника. – Номер у него на машине еще такой примечательный. Три тройки.

– А-а-а, ну да, стоял такой джип. Только он потом почему-то так и остался стоять, когда все поехали. Я еще злилась, сигналила ему, а он ни с места. Может, бензин закончился. А покупать он не стал.

– Покупать? – поднял брови Бойцов. – Где покупать?

– Так там некоторые предприимчивые граждане организовали продажу бензина прямо на месте. Сновали с канистрами от машины к машине и сбывали ГСМ по баснословной цене. Зима, мало кто мотор глушил, кому же охота мерзнуть. А простояли долго.

– Ну да, ну да... – задумчиво отозвался Дмитрий, делая очередные пометки. – А Сырников, стало быть, отказался?

– Ну да.

– А с чего вы решили, что он отказался? Он что, вам об этом лично говорил?

– Нет, не говорил.

Снежанна поморщилась. Трясина какая-то, а не разговор. Неужели нельзя напрямую спросить обо всем. Вот бродит, бродит вокруг да около.

– А почему вы решили, что он отказался от бензина? – Бойцов подпер щеку кулаком, уставившись на девушку. – Расскажите все, как было. Это и в ваших интересах тоже, гражданка Образцова.

Начинается!

Снежанна еле удержалась от возмущенного возгласа. Сначала называют ее ценным свидетелем. Потом начинают откровенно угрожать.

– Дмитрий Степанович, вы эти штучки свои прекратите, – все же решилась она высказать свое возмущение и потянула шарф с шеи. – Если вас что-то конкретно интересует, спрашивайте.

– Хорошо, – еле успел он погасить улыбку, девочка оказалась с характером, это хорошо, он таких любил. – Меня интересует: с чего вы решили, что Сырников отказался от бензина?

– С того я решила, товарищ Бойцов, что мужчина, который залез к нему в машину с канистрой, потом не стал наливать бензин в бак, он даже не подошел к нему, а просто ушел.

– Ага. – Бойцов резво застрочил по клавишам. – К другим машинам этот мужчина с канистрой когда подходил, то непременно в бак выливал ГСМ, а тут...

– Я не видела его у других машин, – вдруг вспомнила Снежанна.

– То есть?

Бойцов играл дурачка, хотя прекрасно понимал, что дядя этот возле других машин вряд ли терся. Но надо же было разговорить девчонку, чтобы она вспоминала, вспоминала все детали, кажущиеся ей незначительными.

– Там сновали какие-то мужики с канистрами, но этого я не видела рядом с ними точно.

– А вы так хорошо лицо его рассмотрели или?..

– А я видела, – перебила она его сердито, – что те трое или четверо мужиков были в куртках каких-то темных. А этот был в спецовке.

– Какой спецовке? Цвет помните?

– Ну... Темная такая ватная куртка, с какой-то яркой надписью на спине. Во всю спину: что-то там дор... или рем... или строй. Что-то типа того, я не вчитывалась.

– Итак, человек тот к группе торговцев никакого отношения не имел. Я вас правильно понял? Он особняком работал?

– Да, я его с теми мужчинами рядом не видела. Он как-то прямо у самой машины появился и...

– Итак, он действовал вполне самостоятельно и был один, без сообщников? – перебил ее Бойцов.

– Я не знаю, был ли он один! – снова возмутилась Снежанна. – Вы меня путаете, Дмитрий Степанович! Он просто возник с канистрой у машины, залез в салон, потом вылез с той же канистрой и ушел, не оглядываясь.

– Куда ушел? К следующей машине?

– Нет, он совсем ушел куда-то. Да и поехали мы сразу почти, как он вылез.

– А вам не показалось странным, что он полез в салон с канистрой? – вдруг спросил Бойцов.

– А почему мне это должно было показаться странным? – удивилась Снежанна.

И тут же вспомнила, что никто из предприимчивых торговцев вообще в машину не лез. Они подходили к водительской двери, осторожно стучали по стеклу, дожидались ответа и потом уже действовали по обстановке. Либо переходили к следующей машине, либо, взяв деньги, направлялись к баку и выливали содержимое канистры туда.

– А ведь точно... – пробормотала она и рассказала Бойцову, как все было. – Но мне это только сейчас кажется странным, тогда на это наверняка никто не обратил внимания. Все нервничали и стремились поскорее вырваться из этого плена.

– Замечательно, – вполголоса обронил Бойцов, не переставая печатать. – Изобретательно, ничего не скажешь... Лица его вы не рассмотрели? Цвет волос, глаз?

– О чем вы? Конечно, нет! Шапка на глазах низко, какие волосы? Лицо он ко мне и не поворачивал. А что случилось, Дмитрий Степанович? Что сделал тот человек, который был с канистрой?

– В спецовке? С длинным названием то ли дор... то ли рем... то ли строй... то ли все, вместе взятое?

– Да.

– Предположительно, он убил Сырникова Владимира Анатольевича. Если, конечно же, тот не был мертв до того, как этот мужчина к нему залез в салон.

– Не был он мертв. Точно не был, – задумалась Снежанна.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что... Потому что этот дядя, который был в джипе... – снова принялась она вспоминать, – он перед тем, как тот с канистрой к нему полез, опускал водительское стекло и рукой в перчатке стряхивал снег с козырька пластикового, который на двери вверх. Ну он еще от дождя защищает, когда куришь.

– Понял!

– Так вот он за минуту до визита этого с канистрой обметал снег с этого козырька, потом стекло поднял, погазовал еще, а затем уже этот в спецовке появился. А... А как его убили?!

– Два выстрела, – казенным голосом пояснил Бойцов. – Один в область шеи, второй прямо в сердце. В голову стрелять не стал, видимо, побоялся, что выпачкается.

Снежанна испуганно округлила глаза.

Господи! Ужас какой! Вчера в двух метрах от нее убили человека. Она сидела, смотрела на джип с блатными номерами из трех троек, нервничала, потому что надоело стоять в пробке. И даже подумать не могла, что тот сутулый дядька с канистрой, который поплелся от джипа, не сумеет заработать, самый настоящий киллер!

А ведь он мог...

– А ведь он мог и меня убить! – прошептала она, сильно побледнев, глянула на Бойцова, сглотнула с трудом и повторила: – А ведь он мог и меня убить, как важного свидетеля!

А вот это вряд ли, мрачно подумал Бойцов.

В тот момент киллер об этом не думал. Считал, что законспирировался. Считал, что все хорошо и грамотно продумал. Что никто не обратит внимания на человека с канистрой. Там ведь он такой не один был. Стрелять по кому-то еще и привлекать тем самым внимание было глупо. Это риск.

А вот теперь...

Теперь она не защищена. Узнав, что ее вызывали в качестве свидетеля, киллер запросто может ее попытаться убить.

– Ужас какой! – донеслись до Бойцова ее причитания. – Стояла в пробке и подумать не могла, что...

– Послушайте, – перебил он ее неласково, – вы в самом деле живете одна или солгали мне по какой-то непонятной причине?

– Почему это я солгала? – попыталась она возмутиться, но наткнулась на его насмешливый взгляд и смешалась. – И почему это вам кажется важным?

Соврала, с печалью подумал Бойцов. Живет не одна, но что-то мешает ей в этом признаться. Может, повздорила со своим мальчиком. Может, избранник ее женат, и она не хочет его подставлять. А может...

– Потому-то мне кажется это важным, – скомкал Бойцов свои мысленные рассуждения, – что вам сейчас лучше не оставаться в одиночестве.

– То есть?!

– Ну... Я не склонен, конечно, думать, что он станет вас искать, но...

– Кто?! Кто станет меня искать?!

Ей вдруг сделалось холодно, и она принялась наматывать на шею шарф, натягивать шапку, застегиваться на все пуговицы. Еще не поняв до конца, куда клонит этот симпатичный следователь с невероятно голубыми добрыми глазами, она вдруг страшно перепугалась. Прозвучало что-то зловещее в его вопросе. Какой-то странный страшный подтекст.

– Киллер, – просто ответил Бойцов, поставив в протоколе точку и запустив его в печать.

– Что киллер? – нагнулась Снежанна к нему.

– Киллер может вас искать, – решил не ходить вокруг да около Бойцов.

А чего ему с ней миндальничать? Она вон что-то недоговаривает про своего сожителя, а он что?

– Киллер! Меня искать!!! Зачем???

– Чтобы устранить.

– Устра... Что, простите?!

– Устранить.

– Как это?! – Она даже икнула с перепугу, смутилась запоздало, но тут же снова вспомнила о страшной угрозе. – Вы хотите сказать, что этот человек с канистрой станет теперь меня искать и попытается убить?!

– Я не исключаю такой возможности, – с жестким нажимом ответил Дмитрий. – Но теперь он вряд ли будет с канистрой.

– А с чем? – задала она совершенно глупый вопрос.

– Кто же знает-то? Может, с авоськой! Но вы не пугайтесь так.

– Ага, не пугайтесь, – плаксиво произнесла Снежанна и снова потянула шапку с головы, почувствовав внезапный жар. – Вам легко говорить, а мне теперь что делать? У вас же нет программы по защите свидетелей? Нет! Это только за границей и возможно.

– Да и там не всегда действенно, – почесал макушку Бойцов.

– Вот-вот... Что же мне теперь делать-то?! А вдруг... Вдруг он придет ко мне домой и...

– Поэтому-то я и спросил у вас: живете вы одна или с кем-нибудь, – напомнил Дмитрий и глянул на нее с укором. – А вы мне ответили не вполне искренне.

– То есть? – Снежанна опустила заполыхавшее мгновенно лицо.

Ишь, какой проникательный. Ничего-то от него не утаить.

– Вы не сказали мне правды. Вы ведь не одна живете, так?

– Так, – кивнула она.

– И? Кто ваш избранник?

– Саша... Саша Степанов, – призналась нехотя Снежанна. – Мы уже три года живем вместе.

– Ничего себе! – присвистнул Бойцов. – Солидный стаж совместного проживания. А вы утаить хотели.

– Да ничего я не хотела, – махнула рукой Снежанна, отвернувшись к окну, за которым заметалась неожиданная метель. – Просто... Просто Саша куда-то подевался.

– Как это подевался? – не понял Бойцов, рассматривая необычайно прекрасный профиль девушки.

Не всегда работа со свидетелем доставляла ему такое удовольствие. Далеко не всегда. Девушка чудо как хороша была. Она совсем не походила на Шурочку. Была высокой, кареглазой, с длинными русыми волосами, которые то прятала под шапкой, то снова рассыпала по плечам. Не была изнеженной и избалованной; он рассмотрел на ее ладонках парочку мозолей. Не имела, как Шурочка, влиятельных родственников. Ее воспитывала тетка, которая умерла. Это он успел у нее узнать. Теперь жила с каким-то Сашей, который вдруг куда-то подевался. Интересно...

– Понимаете, – нехотя начала говорить Снежанна, – мы вчера утром с ним немного повздорили. Так, из-за глупости какой-то.

– Из-за какой?

У Бойцова совсем не было времени копаться в причинах ее ссоры с Сашей, надо срочно пускать в разработку ее показания. Нужно было собирать ребят, давать задания. Но очень не хотелось ее отпускать. И к тому же он еще помнил утреннюю обиду на начальника и вопрос, адресованный самому себе, помнил. Поэтому и начал приставать к Образцовой, надеясь продлить время ее пребывания в кабинете.

Работа что? Работа подождет. К тому же эта девушка тоже была частью его работы, возможно, самой лучшей частью ее. Кому какое дело, сколько времени она проведет в его кабинете?

– Да Саша пристал ко мне с какой-то нелепой статьей в газете.

– Что за статья?

И куда его несло? Но несло ведь! Захотелось вдруг, чтобы девочка начала сейчас ему жаловаться на своего бездушного сожителя. Ей наверняка некому пожаловаться, как и самому Бойцову, между прочим.

– Статья о каком-то маньяке, орудующем в нашем районе. Тот будто бы вечером или ночью нападает на женщин и отбирает у них телефоны.

– А чего это ночью женщины в одиночку разгуливают?

– Вот-вот! – обрадовалась Снежанна, подхватив. – И я ему о том же! Я-то ночами дома сижу. А он начал... Да ну его! Потом я психанула и к тетке на кладбище поехала, но попала в пробку. После вы знаете что было. Затем вернулась домой, а Саши нет.

– А должен был быть дома?

– Да! Он по воскресеньям никуда не ездит.

– А по каким дням ездит?

Нет, ну вот зачем ему было знать о ее Саше так много и так подробно? Глупая ментовская привычка плести словесную паутину? Так чего ему в нее девушку путать? С какой целью? Она и так все ему рассказала, сама не понимая до конца, в какую нехорошую историю попала.

Да, не в том месте оказалась девочка, совсем не в том и не в то время...

– Он обычно по вторникам и четвергам ездит играть, редко по пятницам, – охотно рассказывала Снежанна и, заметив его непонимающий взгляд, пояснила: – Он за городом в каком-то клубе играет в профессиональный бильярд.

– А-а-а, понятно. А работает он где?

По его понятиям, все люди должны работать. На себя ли, на хозяина, на государство, но работать должны. Свободно определяющимся гениям Бойцов не доверял. Внушали они ему какое-то опасение, хоть тресни, и все тут. Кажется, сожитель Саша был как раз из тех, кому он не доверял.

– Работает? Нигде не работает.

– То есть живет за ваш счет? – изумленно поднял брови Бойцов, сразу начав ненавидеть неведомого Сашу Степанова. – Или перебивается случайными заработками посредством выигрышей?

– Ну, не такие уж они и случайные.

– Хотите сказать, что он содержит вас, выигрывая в бильярд?!

– Да, хочу сказать, что так и обстоит дело. Он так говорит, – поправилась она тут же. – Но сейчас не об этом... Так вот Саши дома не было, когда я вернулась. Он не звонил, когда я стояла в пробке, не позвонил и потом. Телефон его сначала оказался вне зоны, а потом заблокированным.

– Так и не вернулся до сих пор? – почувствовал внезапное беспокойство Бойцов.

– Нет.

– И телефон его по-прежнему заблокирован?

Вместо ответа Снежанна вытащила из сумочки свой мобильный, набрала номер Саши, выслушала ответ оператора. И покачала отрицательно головой.

– Та-а-ак... – протянул задумчиво Дмитрий. – А какие-нибудь соображения по поводу его исчезновения имеются? Другьям, знакомым звонили? Что они говорят?

– Ничего, – пожала Снежанна плечами.

– Как это ничего? Не видел никто его, не созванивался?

– Я просто... Просто я не знаю его знакомых и друзей. У него, наверное, их нет. Мы всегда вместе. Расставались, только когда он уезжал играть.

Никогда они не расставались!

Бойцов чуть не выругался, тут же возненавидев этого бездельника Сашу еще сильнее.

Времени у него, видишь ли, свободного предостаточно, вечеров и выходных свободных тоже. Мог Саша этот много чего планировать, изобретать и выдумывать для своей девочки и уж точно от усталости в полуобморочном полусне не забывался.

– Ну, хорошо, – вытеснил он со вздохом из себя непонятную неприязнь. – А партнеры по игре? Их вы тоже не знаете?

– Нет.

– Почему?

– Потому что... Не интересовалась никогда. Это не было принято у нас. Я не считала необходимым лезть в Сашины дела.

– Вот и плохо! – вдруг вскричал он, заставив ее вздрогнуть. – Извините... Вот и плохо, говорю, что вы не влезали! Теперь вот и знать не знаете, куда ваш Саша подеваться мог. Он ведь подевался куда-то, так?

– Так.

Вот почему она сразу не рассказала этому настойчивому Бойцову о своей личной жизни! Потому что знала, что он станет такие вопросы задавать. Потому что знала, что станет смущать ее – ее же неведением. Потому что в конечном итоге ее же и выставит виноватой.

– А куда он мог подеваться? Куда?

Дмитрий выбрался из-за стола. Достал из принтера протокол, проверил, положил на стол перед ней на подпись. Она, не прочтя, подписала.

Так он и думал! Все на доверии!

Дурочка такая...

Потому и знать не знает про своего Сашу ничего. Прожила с ним три года. Три долгих года! Это триста шестьдесят пять дней, умноженных на три, это долго! И за все это время не удосужилась проявить элементарное любопытство к его делам. Это что: равнодушие или тактичность? Скорее второе, будь она равнодушной, не переживала бы так за него. А она переживает. И Бойцов это видел и бесился втихаря.

– Послушайте, Дмитрий Степанович! – вдруг ахнула Снежанна и затеребила пуговицы на меховой курточке, уже не зная, что с ними делать теперь: расстегивать ли, застегивать. – А вдруг это он его???

– Кто он и кого его? – прикинулся Бойцов непонимающим, хотя все сразу понял и думал приблизительно о том же, убирая протокол в папку.

– А вдруг Сашу этот парень с канистрой?! Вычислил мой адрес по номерам машины, подкрался и...

– Не думаю, – отозвался Бойцов после некоторого замешательства. – Он не мог бы так быстро сориентироваться. Наглый, конечно, подонок, но не думаю, что столь же и сообразительный. Да и зачем ему ваш Саша? Ему вы нужны, а не он. Но...

– Что?!

– На вашем месте я бы уехал куда-нибудь на время.

– Куда?! – уставилась она на него в изумлении. – У меня работа! Да и некуда мне ехать.

Он бы с радостью предложил ей пожить у себя, если бы считал это возможным. Но история еще с одним приблудившимся бездомным щеночком могла повториться, Бойцов этого допустить не мог. Да и боялся он после Шурочки впускать в свою жизнь, в свой дом женщину.

Боялся новых условий, рождающихся поутру мечтаний и разбивающихся к вечеру вдрызг, боялся собственной неизобретательности, усталости и брюзгливости.

Нет, уж он как-нибудь сам по себе, а она пускай сама по себе. Да и найдется Саша ее. Загулял наверняка от обиды.

– Что посоветуете, Дмитрий Степанович? – с округлившимися от страха и растерянности глазами спросила Снежанна напоследок.

– Не гуляйте поздно вечером в одиночестве. Не открывайте посторонним людям дверь. Почаще оглядывайтесь. Если стоите долго в пробке, запирайте машину. Что еще...

Он надул щеки, выдохнул с шумом, с раздражением подумав, что говорит совершенно идиотские вещи. Девочке грозит реальная опасность, а он тут со своими советами. А как помочь, как?! Не селить же в самом деле у себя!

– А что с Сашей? – робко спросила она от двери. – Как думаете, что с ним?

– Думаю, что с ним все в полном порядке, – сразу ожесточаясь, отозвался Бойцов и, желая показать, что разговор окончен, схватился за телефонную трубку...

Глава 4

– Господи, Жанка, ты так влипла!!!

Катька слушала ее рассказ после возвращения из милиции с остановившимися глазами. Она даже мармелад из баночки таскать перестала, сидела, замерев с чайной ложечкой возле рта, и слушала ее.

– А что мне было делать, Кать? Врать им? Что бы это изменило? Да и не думаю, что мне грозит опасность какая-то.

– Почему это?

Катерина встряхнулась и с ложечки слизала яблочный мармелад, который ей свекровь слала откуда-то из Краснодарского края.

Поначалу Катька злилась, плевалась. Все гундосила, что от мармелада свекровино пользы никакой. Вместо этого лучше бы детей на каникулы летом хоть раз к себе забрала. Но разве заберет? Нет, конечно. Некогда ей. Виноградник у нее собственный и сад еще с яблочными и персиковыми деревьями. Обрабатывать и караулить все нужно в сезон. Где же тут за детьми Катькиными присматривать! Вот если бы Катенька с Игорьком сами выбрали время, взяли детишек и приехали, то...

– То стану я там вместо свекрови горбатиться на ее винограднике и в саду! Очень мне надо! Так мало я, и Игорьку достанется, и детишкам. Нет уж, лучше мы как-нибудь за деньги в Турции отдохнем. А мармелад она пускай свой запихнет знаешь куда?!

Но год от года Катькина позиция менялась. Мармелад перестал казаться пресным и калорийным. И отдых у свекрови не стал в тягость, и время пребывания у нее в гостях все увеличивалось и увеличивалось год от года.

«У нее же никого, кроме нас, нет, – объясняла потом Катька, таская на работу к чаю баночки с яблочным мармеладом и джемом персиковым. – Она так всегда рада нас видеть, так рада. А в саду и на винограднике давно наемные рабочие трудятся. На них прикрикнуть и присмотреть за ними мне даже в удовольствие. Особо и дел никаких, а на шубку мне свекровь с последнего урожая отстегнула...»

– Почему это тебе опасность не грозит, Жан? – растолкала задумавшуюся Снежанну коллега по работе и немного подруга – Катя Земцова. – Сам следователь и то озабочен.

– Следователь раскрытием данного преступления озабочен, а не моей судьбой, – отмахнулась она от нее. – А если уж мне грозит опасность, то и всем, кто стоял в пробке вместе со мной. Там рядом с джипом машина стояла, и впереди, и за мной тоже машина. Знаешь, не я одна могла оказаться наблюдательной. Да я и не видела особо ничего. Я даже лица этого мужика не рассмотрела. Он все сутулился как-то, с канистрой этой возился.

– Это он для отвода глаз, точно! – предположила тревожным голосом Катерина. – А вообще-то ты права. Многие могли его видеть. Народу полно. Если сначала не обратили на него внимания, то после того, как в новостях пройдет сообщение, наверняка начнут вспоминать. Не станет же он всех подряд стрелять сначала в шею, а потом в грудь. Брр, гадость какая! Как это у людей рука поднимается?!

– Да не люди это, Кать. Не люди, чудовища!

Остаток рабочего дня они хлопотно бегали из отдела в отдел, помогая девочкам справиться с наплывом покупателей. Им часто, невзирая на их начальствующий статус, приходилось помогать в отделе. Катька при этом ворчала. Снежанне нравилось. Сидеть весь день в тесном кабинете и заниматься только бумагами было очень тягостно.

К закрытию Снежанна едва держалась на ногах. И не столько от усталости, сколько от переживаний. Саша так и не объявился. Домашний телефон молчал, его мобильный по-прежнему был заблокирован. Она позвонила соседке тете Лене и попросила ее постучать в соб-

ственную дверь. Все еще тешила себя надеждой, что телефон Саша мог и потерять, а домашний мог и не слышать. Но тетя Лена через три минуты бойко отрапортовала, что дома никого нет. И почта вся в почтовом ящике.

Значит, Саша так и не появлялся. Он никогда не оставлял корреспонденцию в почтовом ящике, тем более свою любимую газету. А выходила та ежедневно.

– Куда он мог подеваться, Кать?! – воскликнула Снежанна, когда они вышли из аптеки в семь часов вечера, закрыв ее и сдав на пост охране. – Просто в голове не укладывается: куда он мог подеваться?!

– Как пришел, так и ушел, – отозвалась с ленцой Катерина и зевнула.

Ее, как обычно, разморило к закрытию. Она, как ребенок, терла глаза, забыв, что накрашена и что теперь она безбожно размазывает краску по лицу. Соображала она при этом вяло. Двигалась неуверенно. И Снежанне, как всегда, придется везти ее до дома.

– Ты не обижайся. – Катька погладила по плечу подругу, усаживаясь в ее машину. – Просто идти на остановку мне сейчас – смерти подобно. Однажды задремала, у меня сумку сперли. Один раз в автопарк увезли. Беда просто с моей сонливостью! Сейчас притащусь домой, подремлю с часок, а потом стану всю ночь кувыркаться с боку на бок. А Сашка твой...

Катька снова зевнула, пристегнулась ремнем и уже через мгновение мирно сопела, свесив голову на грудь.

Поразительная способность, подивилась в который раз Снежанна, заводя машину. Может спать в любых условиях, при любых обстоятельствах.

И про то, что ночью она ворочается без сна с боку на бок, – совершенная неправда. Снежанна как-то пару раз пробовала звонить ей после полуночи, потому что тоже не спалось и просто приспичило с кем-то поговорить.

Так Катька на нее жутко вызверилась. И потом весь следующий день ныла из-за того, что Снежанна ее разбудила в самое неурочное время, поэтому совсем не верилось в ее бессонницу.

– Что мой Сашка? – спросила вполголоса Снежанна, разгоняя «дворниками» снег со стекла.

– Сашка твой врун, – неожиданно отозвалась Катерина, хотя за мгновение до этого будто бы сонно посапывала.

– Почему это он врун? Когда он тебе врал?

– Мне – никогда, – помахала отрицательно Катерина указательным пальцем в вязаной перчатке. – Тебе врет!

– Да ладно тебе, Кать, – рассеянно отозвалась Снежанна.

Погода за бортом разгулялась такая, что не до споров было. Колеса утопали в снегу, пробуксовывали вхолостую. Тут не увязнуть бы и не застрять снова, как вчерашним днем.

Аптека их располагалась в глухом переулке, если засядут в снегу, то машину придется оставлять, до утра сюда снегоуборочные машины точно не сунутся. Придется ехать общественным транспортом. А этого Снежанне не хотелось сразу по нескольким причинам.

Во-первых, пришлось бы тащить на себе полусонную Катьку до остановки, потом провожать ее до подъезда, чтобы та не уснула на ходу. Шутка, конечно, но не бросать же коллегу в таком состоянии одну на морозе!

Потом нужно будет снова ехать автобусом, минуя магазины, в посещении которых возникла острая нужда. Полки холодильника и шкафов опустели. Они с Сашей обычно в воскресенье днем после обеда все покупали. Вернее, она покупала, а он ждал в машине. Но вчерашний воскресный день прошел совсем не так, все поменялось как-то вдруг и сразу, вот и осталась без продуктов.

А во-вторых, доберись она автобусом до своего микрорайона, ей пришлось бы идти неосвещенным переулком до своего дома. На машине она это место проскакивала, не задумываясь никогда, насколько оно может быть опасным. Теперь же все виделось иначе.

И вчерашнее убийство, совершенное почти на ее глазах, не шло из памяти. Она хоть и храбрилась на Каткиных глазах, и говорила, что все страхи надуманы, что убийца не дурак, не станет разыскивать возможных свидетелей и отстреливать их.

А страх все равно не покидал! И с наступлением темноты сделался ошутимее!

А если он дурак? Если он бездушная машина для убийства, чудовище без принципов и все же станет всех отслеживать и устранять – как выразился профессиональным языком Бойцов – всех, кто мог его видеть в пробке и узнать потом? И вдруг он именно сегодня ждет ее в том самом темном переулке, по которому ей придется идти пешком?!

И дурацкая статья из любимой Сашиной газеты внезапно вспомнилась, будь она неладна. Может, Саша и прав был, излишне усердствуя в прогнозах. Может, человек этот, нападавший ночами и поздними вечерами на женщин, самый настоящий маньяк?!

Задумавшись так глубоко и сосредоточив все свое внимание лишь на том, чтобы не забуксовать, Снежанна и пропустила мимо ушей полусонный лепет своей коллеги по работе и немного подруги – Кати Земцовой.

И вспомнила о нем, лишь когда заперла за своей спиной дверь и с облегчением швырнула на пол два громадных пакета с продуктами. В магазин она все-таки заехала и набрала всего, что было необходимо.

Так вот, заперев дверь, швырнув пакеты на пол и обнаружив, что Сашины тапки так и стоят сиротливо под вешалкой, Снежанна внезапно вспомнила неясный Каткин шепот и тут же бросилась к телефону.

– Игорь, мне нужно Катю срочно! – громко закричала Снежанна в телефонную трубку.

– Снежанночка, ты чего так кричишь? – тихим голосом отозвался Игорь и наверняка недовольно поморщился.

Он, сколько помнила Снежанна, постоянно недовольно морщился. Причина его недовольствия была очень многогранной, а гримаса всегда одна и та же, пролей он кофе себе на брюки или оставь мобильник в сауне.

– Игорек, это срочно!!! Поверь мне, это вопрос жизни и смерти!!!

– Согласен, – покорно отозвался Игорь и вздохнул. – Но Катенька спит, ты же знаешь.

– Разбуди! – потребовала она.

– Не могу. Она все равно не проснется, а мне же еще потом и достанется, – пожаловался вдруг ей Игорек, что случилось впервые. – Может, подождешь пару часиков?

– Нет! – рявкнула Снежанна, сама поражаясь тому, как это у нее вышло так свирепо. – Если не разбудишь, я сейчас приеду, так и знай!

Она под угрозой пожара не вышла бы теперь из собственной квартиры. Только-только нервная дрожь в коленях улеглась после того, как она в два прыжка преодолела путь от багажника собственной машины до подъезда. Потом пулей взлетела к себе на этаж, совсем не чувствуя тяжести двух громадных пакетов.

Но ведь Игорю об этом совсем не нужно было знать, не так ли? Она пригрозила ему, что приедет, а он пусть думает, чем это может для него обернуться. Недовольством жены как минимум, а по максимуму – долгими, за полночь, посиделками двух подруг. Когда одной бутылки вина мало, а за второй нужно бежать в дежурный магазин. И не кому-нибудь бежать, а именно ему. Когда и выпить, и песен попеть хочется, и плевать, что соседи за стеной капризные и каждый раз грозят жалобой в милицию.

Очевидно, взвесив все это и вспомнив последний ее визит, когда подвыпившую Снежанну забирал от них Саша, Игорь решил ограничиться недовольством супруги.

– Ладно, сейчас разбужу, – пообещал он после некоторых раздумий. – Подождешь или мне перезвонить?

– Подожду.

Ждать пришлось довольно долго. Или это просто так ей казалось, потому что не терпелось услышать от Катьки ту фразу, которая ускользнула от ее внимания, поскольку внимание в тот момент было сосредоточено на том, чтобы не застрять в сугробе, и, как следствие, не добираться потом на автобусе, и не стать мишенью для убийц, маньяков и полуночных грабителей.

– Чего тебе, Жан? – томно отозвался в трубке заспанный Катькин голос после невыносимо долгого ожидания.

– Хватит спать! – возмутилась Снежанна. – Как можно спать по двенадцать часов в сутки, Кать?!

– Сладко, Жанночка. Очень сладко можно спать.

Катька громко зевнула и шепнула Игорю, чтобы тот не уходил. И шепот ее был зазывным и многообещающим. И Игорек тут же отозвался таким же точно шепотом, и следом раздался сдвленный Катькин хохоток. Какой-то шорох, оханье и снова Катькин смех.

Снежанне сделалось стыдно и противно за себя, словно врывающуюся в их спальню.

Ей очень нравилась их спальня с окном, задернутым кремовыми шторами, с комодом, на котором не переставая цвел огромный розовый куст, с вечно разбросанными подушками и скомканным шелковым покрывалом, на котором нежилась теперь Катька, воровато смеясь.

А она вот во все это лезет со своими проблемами, нелепыми вопросами, страхами...

– Кать, что ты мне сказала, когда мы уезжали со стоянки? – спросила Снежанна, одернув свою совестливость, не до нее теперь было.

– Когда? Что-то я не помню, Жан. – Тут же последовал шлепок и следом недовольный Катькин голос: – Игорек, отстань! Погоди ты!.. А о чем мы говорили?

– Ты сначала сказала, что Сашка мой как пришел, так и ушел. Помнишь?

– Ну!

– Что ты этим хотела сказать?

– Ох, господи! – гнусаво отозвалась Катька с протяжным стоном. – Стоило меня из-за этого будить?

– Кать, что ты имела в виду?!

– То, что он пришел из ниоткуда и ушел в никуда, вот что.

Ладно, с этим более или менее было все понятно.

Снежанна с облегчением выдохнула.

Катьке никогда не нравился момент их знакомства. Она всегда недоверчиво фыркала и считала, что в бескорыстном порыве Саши Степанова было очень много откровенного расчета. Поначалу вообще называла его брачным аферистом. Замолчала, лишь когда Саша за свои деньги отремонтировал квартиру тетки Снежанны, начал делать ей дорогие подарки, а потом полностью стал ее содержать.

– Ну не знаю... – продолжала она все же некоторое время скептически. – Что это за выигрыши такие? Разве можно тем, что гоняешь шары по зеленому сукну, так зарабатывать?

Потом замолчала. Сашкину меркантильность оставила в покое. Но затем снова нашла причину и зацепилась уже за то, что Снежанна Александра своего не любит и вынуждена жить с ним только из чувства благодарности.

Она вообще-то всегда к нему придиралась. Ну не нравился он ей никогда, как она неоднократно восклицала, и не стоил он Снежанны, по ее утверждениям.

– Так, а потом что ты сказала? – начала опять вспоминать Снежанна, убедившись, что Катька выпроводила Игоря из спальни и теперь говорит с ней вполне нормальным, лишенным интимной игривости голосом. – Ты вот пробормотала: пришел, ушел, а затем помнишь что сказала?

– Что? – осторожно поинтересовалась Катька и почему-то виновато шмыгнула носом. – Не помню, Жан. Ну? Напомнишь?

– Ты что-то такое про его бильярдный клуб сказала, – наморщила лоб Снежанна.

Если бы она слышала внятно, то и помнить бы могла. А она пропустила слова Катерины мимо ушей, потому и мучилась теперь.

– А что про клуб?

Каткин голос вдруг заюлил. И это Снежанне совсем не понравилось. Ее голос юлил только в тех случаях, если собирался выдать откровенную лажу. Соврать, то есть.

Так бывало, когда к ним на работу приходили с проверкой и нарывали какое-нибудь нарушение. Тогда вот Катка и принималась говорить с проверяющими именно таким голосом. Противненьким, сладеньким, срывающимся в некоторых местах до подбострастного сипа.

– Кат! Прекрати! – оборвала ее строго Снежанна, поняв, что она пропустила мимо ушей что-то очень важное, то, что Катка в полусне брякнула по неосторожности и что теперь повторять не хотела.

– Это очень важно, понимаешь?! От этого может зависеть жизнь человека!

– Какого человека? Какого? – выдохнула Катка с насмешкой. – Сашка твой, что ли, человек?

– А что, нет? Он пропал, понимаешь! Его жизни может угрожать опасность и...

– Я тебя умоляю, дорогая, – перебила ее Катерина сердито, заворочалась, скрипнув кроватью. – Опасность ему угрожает! Какая?! Это тебе может угрожать опасность из-за того, что ты вчера в лицо видела настоящего убийцу!

– Я не видела его лица, – рассеянно возразила Снежанна.

– Он об этом не знает! Он может думать иначе! А она... Она о Сашкиной заднице печется! Врун он, твой Сашка! Врун и козел!

– Ну почему?!

– Потому что врал тебе все время и про бильярд свой, и про вторники с четвергами.

– Не врал, не врал! – закричала Снежанна, сползая по стене прихожей прямо на пакет с продуктами и не чувствуя ничего, кроме пугающе болезненной растерянности. – Я сама видела, как он умело обращается с кием. Как он может играть в бильярд и...

– Играть, вероятно, он может, – перебила ее Катка. – Может, и играет в свое удовольствие где-то, но не по вторникам и четвергам, редко по пятницам, – передразнила ее она. – И не за городом, и не за деньги!

– Почему это?

Снежанна покосилась на Сашины тапки, сиротевшие второй день. Что скрывал от нее их хозяин? Почему так долго скрывал – целых три года? И в чем причина такой скрытности?

Слово «ложь» она пока боялась к нему применять. Оно было слишком скользким и мерзким. И от него болезненно сжимало виски и неприятно часто колотилось сердце.

– Потому что нет за городом никакого бильярдного клуба, где бы резались за большие деньги профессионалы, – нехотя призналась Катка.

– Как нет?! Но он же... Он же говорил...

– Господи! Жанна, какая же ты наивная!!! Тебе сколько лет?

– Двадцать пять, – отозвалась Снежанна, хватаясь за спасительный вопрос как за соломинку.

В нем – в этом вопросе – не было ничего грязного и сомнительного. Он был чистым и честным, как и ответ на него.

– Вот, двадцать пять уже, а ты все в небесах витаешь. Я тебе говорю, а ты запоминай, чтобы мне не повторяться, – проворчала Катерина, снова заскрипев пружинами кровати. – За городом нет и не было никакого клуба, в котором бы профессионально и на большие деньги играли в бильярд. Поняла?

– Нет, – пискнула Снежанна жалобно и зажмурилась.

– Чего не поняла?

– Куда он тогда уезжал два раза в неделю?

– А-а-а, вон в чем дело! Странно, что ты только теперь не поняла, мне было непонятно это давно.

– Куда, Кать?! Куда он ездил?! И откуда у него такие деньги, если он ничего не выигрывал?! Он что – вор???

– Не думаю.

– А кто тогда? Кто?!

– Не хотелось тебе говорить... – голосом сварливой старухи отозвалась ее коллега по работе и немного подруга – Катерина Земцова, – но... Мне кажется, что он вообще не Саша и не Степанов.

– А кто?!

– Я не знаю, но то, что у него шикарный офис в центре города, шикарная тачка, жена и две маленькие дочки, это абсолютно точно.

– Что ты сказала?!

Снова, как в том злополучном сугробе, когда она буксовала в переулке, где располагалась их аптека, на нее напала странная глухота.

Катька будто говорила еще что-то, а она не слышала.

Видела Сашу, который каждое утро поднимался с постели следом за ней. Дождался ее в кухне, пил вместе с ней кофе, морщился от предложенной каши и с сосредоточенной старательностью готовил себе бутерброд с икрой. Потом разворачивал свою любимую газету, начинал читать, иногда вслух. Она уезжала на весь день на работу, он оставался дома. В течение дня они созванивались. Почти всегда она звонила ему на домашний, он отзывался.

Отзывался же!!!

Вечером она возвращалась в начале восьмого. Он всегда встречал ее. Иногда у подъезда, иногда в квартире. Все такой же, что и утром. С зачесанными назад волосами, убранными в хвост, в тренировочных штанах, в этих вот тапочках.

Какой офис в центре города?! Какой бизнес, если любимой его газетой была самая желтая из всех газетенок посредственного содержания?! Да и круг интересов у Саши был довольно узким. Он целыми днями смотрел сериалы про ментов и спортивные репортажи. У него просто-напросто не было времени заниматься бизнесом, потому что он всегда находился дома!

И какая крутая машина?! Он и ездить-то толком не мог, почти всегда пользовался такси, редко брал ее машину.

А жена?! А дочки?! Это же...

Это же вовсе абсурд! Саша не любил детей. Они лишь однажды коснулись этого вопроса и почти тут же поспешно решили, что с этим торопиться не следует.

– Кать, это неправда, – с трудом выговорила Снежанна. – Это путаница какая-то!

Это имя ведь тоже он для нее придумал после того, как подобрал ее в сугробе с вывихнутой лодыжкой. Узнал, что зовут ее Жанной, смеялся потом, что раз он нашел ее в снегу, значит, ее имя требует соответствующей приставки. Приставил, начал называть, ей понравилось, некоторым знакомым тоже. Катька только из вредности подругу так не называла. А вот Игорек ее с удовольствием.

– Это правда, милая. Если хочешь, завтра я тебя свожу к его офису, сама убедишься.

– В чем? – тупо спросила Снежанна.

– В том, что Саша твой никуда не пропадал. Что греет свою задницу в своем директорском кресле в своем офисе в центре города. Что жена его с ним обедает через день и иногда дочек прихватывает, – перечислила Катька безжалостным сухим голосом. – И радуйся, что все так у тебя обошлось.

– А как могло?

Снежанне вдруг сделалось трудно дышать, захотелось на воздух. Она поднялась по стенке с пакета, поморщилась, поняв, что раздавила купленные для салата помидоры. И выбежала

бы, швырнув трубку на место, если бы не страх, вернувшийся внезапно и остановивший ее у самой двери.

– Могла жена прийти и космы тебе выдрать. Окна могла побить, если бы достала, – причитал Катькин голос в трубке. – Мог бы Саша твой из квартиры тебя выкинуть.

– Зачем? – сипло отозвалась Снежанна и заплакала. – Скажи, Кать, зачем ему все это было нужно?

– Что? Что все?

– Ну... Я? Ремонт в квартире? Жизнь такая вот в течение трех лет? Зачем ему все это было нужно? И что, он к семье два раза в неделю только ездил, да?

– Это ты у него и у семьи его спроси. Может, их все устраивало.

– Но он же целыми днями сидел дома, как он мог управлять своим бизнесом?! – выдвинула Снежанна последний аргумент, надеясь, что на него никаких возражений у Катерины не найдется.

Нашлось!

– А где гарантия, что он сидел дома?

– Но как же... Я звонила на домашний телефон и...

– Этот номер мог быть параллельно подключен у него в офисе, бедняжка! – со вздохом обронила Катька и зевнула. – Ладно, мне пора подниматься и ужинать, а ты завтра готовься в поход к своему ненаглядному. Мы его завтра...

Глава 5

Утро началось трескучим морозом, затянувшим окна квартиры, которую он снимал, нелепыми узорами. Они никогда ему не нравились, даже в детстве, когда ребятишкам свойственно верить в чудеса и в Деда Мороза, оставляющего подарки под елкой.

У него не было в детстве елки, в Деда Мороза он не верил и знал, что это взрослые дядьки и тетки одеваются в атласные шубы, прицепляют длинные курчавые бороды, рисуют красный нос и дикий румянец на щеках и идут потом душить глупых маленьких детей. И под елки они кладут подарки, которые перед этим втиснули им в руки родители глупых маленьких детей.

Он никогда не был глупым ребенком. И родился, кажется, уже взрослым и мудрым.

Еще он был очень наблюдательным ребенком. Молчаливым, с виду спокойным, уравновешенным и очень наблюдательным. Он рано научился распознавать ложь взрослых. Она возмущала его, смущала, приводила в замешательство и никогда не казалась спасительной.

Как можно было врать и изворачиваться во спасение? Это казалось ему мерзким. С этим ощущением он будто на свет родился и не избавился от него до сих пор.

Большая чашка в его руке чуть дрогнула, и клякса густого черного кофе шлепнулась на подоконник с облупившейся краской. Он машинально тронул кляксу пальцем, вытер его потом о штаны и снова с раздражением уставился на затянутое морозом окно.

Он ненавидел холод, ненавидел мороз, ненавидел зиму.

Зимой ему почти все время приходилось сидеть дома, когда не нужно было ходить в школу. Выходные, каникулы, новогодние утренники, представления, устраиваемые взрослыми в местном клубе или в школе, соревнования лыжников, спортивные состязания по зимнему футболу, хоккею проходили весело и шумно, но без него.

– Нечего ботинки и куртку трепать по глупым праздникам, – строго выговаривала ему бабка, на которую его наглые родители спихнули заботу о воспитании сына с полугодовалого возраста. – Порвешь, потом в школу будешь в рваных ходить? Осудят! Люди осудят. Скажут, что не покупаю я тебе ничего, что в черном теле держу. И отберут тебя у меня! Отправят в интернат или в детский дом. Как я без тебя?.. Летом в деревне нагуляешься. Поедем с тобой к тете Симе, там нагуляешься. А теперь нельзя. И ребята твои школьные станут смеяться, если ты в рваных ботинках или брюках станешь в школу ходить. А разве ты хочешь, чтобы над тобой смеялись?..

Он не хотел, чтобы над ним смеялись. И поэтому берег свои вещи, не катался в единственной куртке с горы, не бегал в единственных ботинках по стадиону, не ходил в единственных штанах в походы. Потому что в любом возрасте у него всегда было всего по одному, не считая трусов и носков. Тут бабке приходилось раскошелиться.

Он сидел дома, помогал бабке по хозяйству, рано научился готовить и убирать, много читал, старательно делал домашнее задание, чтобы не краснеть у доски от незнания. А когда выпадало свободное время, то вместо просмотра глупых, как он считал, передач по телевизору он проводил его у окна.

Он любил наблюдать за погодой, за бродячими собаками, за дворничихой, за соседями, за ребятами, обосновавшимися со своим шалашом неподалеку в кустах сирени. Ему все было интересно. Он подмечал любые мелочи, любые странности, научился разбираться в чужом поведении, распознавать чужие секреты. Это стало своего рода игрой для него. Странной, но поучительной игрой, превратившейся с годами в дело его жизни.

И привыкнув наблюдать за людьми из окна, он ненавидел, когда их затягивало морозом. Тут казалось уже, за ним кто-то наблюдает. Проточил кто-то с улицы жадным дыханием крохотную дырочку в морозной шубе на стекле и смотрит на него, смотрит, подмечает все его привычки, заносит в блокнот результаты своих наблюдений.

– Черт! – выругался он, поставил с грохотом чашку с кофейной гущей на подоконник и потянул на себя створку старой разошедшей рамы.

Сейчас, сейчас он растопит лед на стекле, выглянет во двор. Осмотрится, поймет, что никого постороннего и ничего угрожающего его жизни и свободе во дворе нет, и тогда только выйдет на улицу.

Особой необходимости выходить на улицу именно сегодня не было. Мог бы и дома посидеть, отдохнуть, покопаться в компьютерных программах, да запущенные морозом окна сильно нервировали. А в таком состоянии он не способен был ничего делать. Привычка к уравновешенности и спокойному аналитическому созерцанию сводилась на нет, когда он не мог ничего видеть за своим окном.

Телефонный звонок на мобильный раздался, когда он уже выходил из квартиры.

– Да, – отозвался он. – Слушаю.

– Остаток на месте, – оповестили приглушенным, трудно распознаваемым голосом.

– Замечательно, – кивнул он с улыбкой. Это значило, что вторая часть оговоренного вознаграждения перечислена на его счет. Оставалось только проверить. – Все в порядке?

– Да, то есть не совсем... Могут возникнуть проблемы, – нехотя пробубнил мужской голос.

– Какие проблемы? – Он настороженно замер на последней ступеньке лестничного пролета, ведущего к лифту.

– Тебя видели.

– Кто?! Этого не может быть. – Он лихорадочно принялся перебирать воспоминания.

– Девка одна. Она сидела в машине сзади. Ее уже вызывали. Конечно, она тебя не узнает, особо не смотрела. Все в общих чертах, но...

– Но что? – спросил он с ухмылкой, сразу поняв, что именно придется делать за свой счет.

– Но надо бы подчистить.

– Номер?

– Записывай номер и адрес. Пишешь?

– Запомню...

Он никогда ничего не записывал, что касалось заказа. Все тщательно хранилось в памяти, потом, после исполнения, вытеснялось следующими сведениями. И так по порядку раз за разом, год за годом.

– Вот так, брат, – с укоризной закончил ему диктовать адрес и номер машины свидетеля его заказчик. – Всегда нужно оглядываться.

– Понял, – равнодушным голосом отозвался он, но в душе возмутился.

Это кто же его вздумал учить, а?! Этот слизняк, не сумевший устроить свои дела таким образом, чтобы все обошлось миром, чтобы не пришлось никого устранять?! Он его учить вздумал?

Лживая, насквозь прогнившая фальшивая мразь!

Отстойный элемент, который, глазом не моргнув, приказал убить, а детишкам своим наверняка делает подарки к Новому году, приглашает к ним разукрашенных румянами лицедеев. А ведь у того, кого он приказал убить, тоже дети имеются. И он их любил, между прочим, хотя о любви у него были и весьма странные представления.

– Ты это... – Заказчик заметался, запутался в словах, которые должны были быть и инсказательными, и в то же время понятными. – Не затягивай с диагнозом. Запускать нельзя. Могут быть хронические обострения.

– А почему именно она?

Он вдруг вспомнил ту машину и девчонку, что сидела, развалившись на водительском сиденье. Она ничего не могла заметить. И лица его она рассмотреть не могла. И узнать потом

тоже. Он сам себя не узнал в зеркале после нанесенного грима. Шапка и высокий цигейковый воротник рабочей куртки довершили дело.

Зачем? Зачем ее убирать? Она сидела, рассеянно смотрела по сторонам, на него обратила внимание не больше, чем на канистру в его руках. И не вглядывалась в него вовсе, и не рассматривала пристально.

– А кто еще?! – изумленно ахнули ему в ухо.

– Там много народу с таким диагнозом, – с прежней ухмылкой поддержал он неумелого шифровальщика. – Все, кто были!

– Да? – скептически протянул тот. – Но вызвали почему-то только ее! Короче... Это твой косяк, тебе и исправлять.

– Понял, – поскукнел сразу он, ясно, что приплачивать ему не станут.

– Не затягивай. Могут быть обострения!!!

У кого? У кого могут быть обострения, осложнения, а попросту говоря, проблемы?

Вопрос просто свалился с языка, но старая привычка к уравновешенности и спокойствию помогла сдержаться. Он промолчал.

– Всего хорошего, – с наигранным спокойствием попрощался заказчик, которого впервые на него вывел посредник. Будто бы таково было требование. Да и гонорар был соответственный. – Жду хороших новостей! Иначе мне придется самому решать проблему. Причем сразу две...

Заказчик отключился, а его тут же разобрало, да так, что не удержался и трижды саданул кулаком по стенке кабины лифта.

С какой стати он должен за свой счет обеспечивать кому-то спокойствие? С той самой, что ему только что пригрозили? Да плевать он хотел на все угрозы, вместе взятые! Пытались уже, и не раз пытались им руководить. Себе дороже вышло. И никто до сих пор не нашел следов тех руководителей.

– Скот!!! – выругался он напоследок, перед тем как выйти из распахнувшихся дверей лифта.

Улыбнулся молодой мамаше с коляской, помог ей загрузиться в лифт. Снова улыбнулся, ответив на ее благодарность – не за что. Вышел на улицу, внимательно осмотрел двор, разбитый им на сектора еще в первый день, как поселился тут.

Все спокойно, ничего настораживающего, никаких новых объектов. Можно пройтись до магазина, зайти в кафе, а потом...

Нет, он съездит, конечно, по адресу, продиктованному ему глухим, тщательно конспирирующимся голосом. Но это еще ничего не значит, черт побери! Это не значит, что он тут же начнет действовать, хотя ему и велели не затягивать.

Велели! Слово-то какое идиотское! Никто никогда ему ничего не велел. Сам он собой распоряжался. С собой. Своим временем. Своими способностями. Мог сказать «да», мог отказать, мог и вовсе не ответить на телефонный звонок или не явиться на встречу.

И если он так вот капризничал, то тот, кто всегда работал с ним как посредник, понимал: что-то не то, что-то нечисто. И не настаивал никогда на заказе. Мог попросить. Но никогда не настаивал. Потому-то они так давно и работали в мире и согласии без проколов и недоразумений.

Угораздило же его посредника в этот раз связать его напрямую с заказчиком! Теперь тот проклет все мозги!

А зачем вообще он это сделал? С какой целью? Может, это подстава? Может, его решили убрать таким вот образом? Сейчас даже в его не так часто востребованной профессии конкуренция имеется. Может, явился какой-нибудь ухарь со стороны и...

Да нет, вряд ли. Это просто заказчик долбанутый такой. Наворотил дел, теперь сидит и трясется. Понимает, наверное, что его могут начать таскать. Тут придется за каждым словом,

за каждым вздохом своим следить. Вот и приходится ему все подчищать. Вернее, требовать, чтобы все было подчищено.

Хотя все могло быть и по-другому. Это так, одни предположения.

Ладно, он съездит, понаблюдает для начала. Если почует опасность, сделает все как надо. Если нет, то пошел этот дядя куда подальше. Лица его настоящего не знает даже посредник. Для встречи с ним у него имелся особый облик, особый цвет волос и глаз, линия подбородка и ширина носа. А телефон он может и выбросить, недолго новый купить и номером новым обзавестись. Что-что, а путать следы ему не впервой. Из-под самого носа уйдет...

Глава 6

Она не спала почти всю ночь. Металась на кровати, комкала в руках одеяло, закусывала край зубами, чтобы не так громко выть, а вдруг соседи услышат. Потом вскакивала и неслась на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.